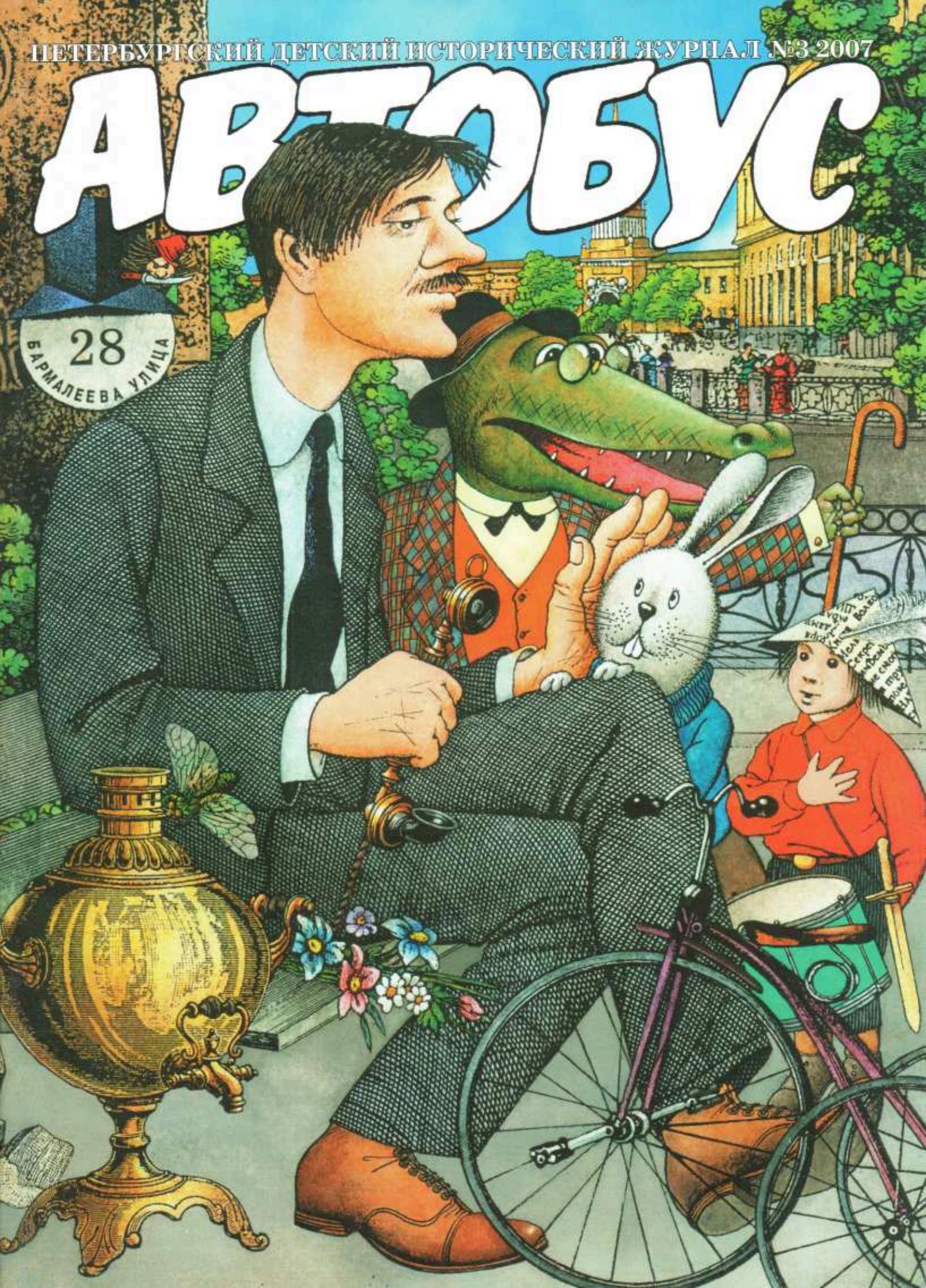

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ №3 2007

АВТОБУС

ПРИГЛАШАЮТ НАШИ СОТРУДНИКИ, НАШИ ДРУЗЬЯ!

В Детской библиотеке истории Петербурга на улице Марата 72, открылись выставки.

Выставка «АРТСФЕРА ПРЕДСТАВЛЯЕТ» объединяет очень разных художников, фотографов, модельеров.

Среди экспонатов выставки

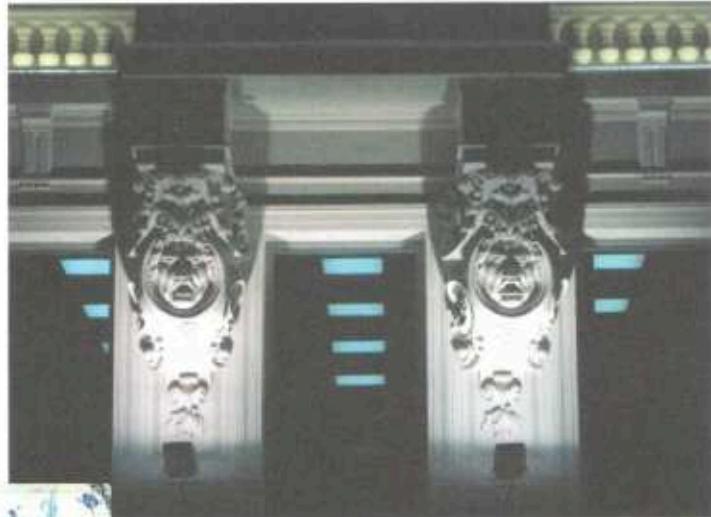
«МИР ОТРАЖЕНИЙ В ФОТОГРАФИЯХ НАТАЛЬИ ВАСИЛЬЕВОЙ» –

работы сотрудницы журнала «АВТОБУС» Натальи Васильевой.

В соседнем зале экспонируется её персональная выставка «ЗЕРКАЛО БОЛЬШОГО ГОРОДА».

Ещё один раздел – ПАНОРНЫ ВЛАДИСЛАВА КЕТОВА,
они сделаны во время его уникального путешествия вдоль береговой линии континентов.

Чем дальше, тем более очевидной становится острая темы, поднятой нами в номерах этого года. Потеря нравственных идеалов, нравственных ориентиров, дискредитация идеи служения своей стране, своему делу, служения людям привели к тяжёлым последствиям. Врут политики, врут чиновники, порядочность, честность с трудом пробивают себе дорогу. Это толкает страну в пропасть. Честные, порядочные люди не перевелись, но они не очень заметны в этом хаосе. Поэтому мы снова и снова будем обращаться к ним, как ориентиру для всех нас.

В новом номере о Галине Васильевне Старовойтовой рассказывает её сестра и помощник Ольга Васильевна Старовойтова, о Корнеле Чуковском пишет Юрий Кружнов. Мы также продолжаем рассказ о Коммуне Юных Фрунзенцев.

Интереснейший материал мы получили из Кунсткамеры. Ирина Константиновна Фёдорова, посвятившая четыре десятилетия расшифровке письменности жителей острова Пасхи, рассказывает о своём открытии. Ей удалось то, что не смогли сделать учёные всего мира, ведь никто, кроме неё, не смог найти ключ к разгадке тайны. Мы расскажем вам о ремесленниках разных профессий и разных национальностей, работавших в Петербурге.

А ещё представляем вам творчество ваших сверстников – учеников 640-й школы Приморского района. Они пишут о своей жизни, а следовательно, и о вашей. Прочтите, не поленитесь!

Ольга Старовойтова:
О сестре
стр. 2

**Загадку острова
Пасхи разгадали
в Петербурге**
стр. 8

**Коммуны 1950-х –
звук прошлого
или задел
на будущее?
(продолжение)**
стр. 14

**Бедный, страшный
тараканище...**
стр. 19

**Великая охота
Мвуки**
стр. 24

**И немец-булочник,
и
француз-позолотчик...**
стр. 28

**Один день из жизни
отличницы**
стр. 35

Аритмия
стр. 36

СЛОВАРЬ

на сей раз
превратился
в календарь,
в календарь
не простой,
а Календарь
памятных дат.

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

Ольга Старовойтова: *о семье*

Ольга Старовойтова

Мне кажется, что моя жизнь чётко разделена на две части – ту, что была при жизни Галины, и ту, что началась после её ухода.

Да и не кажется. Просто так оно и есть. Одна из книжек, изданная нашим фондом, состоящая из воспоминаний о Галине Васильевне Старовойтовой, так и называлась: «Пять лет без неё. И – с ней».

Наверное, эти заметки надо было бы начать с каких-то «биографических данных». Но людям, хотя бы немного знавшим её, эти данные в общем-то известны, а тем, кто не знал, они вряд ли что-то скажут. Это была обыкновенная жизнь – детство, школа, институт, семья... Однако что-то было и необычным. Галя Старовойтова пошла в первый класс в последний год раздельного обучения, 1953-й. Это была школа для девочек. В классе было шестнадцать Галь. Феномен абсолютно непонятный, но любопытная деталь.

Школа № 384 – необычное здание недалеко от Нарвских ворот – в плане оно представляет собой серп и молот, наверху – небольшая обсерватория... Потом было введено совместное обучение, и во второй класс Галина попала в школу № 390, за «Садом им. 9 января». Теперь в этом здании Кировский районный суд. Это была обычная школа-восьмилетка, после которой нужно было идти в девятый класс другой школы. В то время проводился очередной эксперимент в школьном образовании. Были созданы «политехнические школы» с обучением с девятого по одиннадцатый класс – и с производственным обучением. Четыре дня уроков, два дня – специальность. Нам предлагался узкий круг профессий. Чаще всего – рабочая специализация. Для мальчиков – обучение на слесарей, токарей, ещё что-то. Для девочек – профессии чесальщицы, мотальщицы и другие по ткацкому про-

изводству, продавщицы. Удачными считались такие специализации, как чертёжник, физик-монтажник, портниха; обучали финансам и бухгалтерскому учёту. Я с подружками пошла в школу № 506, Галя пошла в школу № 397 — теперь это школа-гимназия её имени. Я выбрала 506-ю не потому, что очень уж хотелось стать портнихой (там это была главная специализация), а потому, что тогда почти совсем не было выбора одежды, и большинство женщин шили её себе сами. Галя выбрала бухгалтерский учёт. Она всегда смотрела вперёд. Знания основ экономики, даже на начальном уровне, были полезны для будущей жизни.

В этой школе был исторический кружок, который возглавлял учитель истории и одновременно директор школы, Анатолий Иванович Тодорский. Однажды у Гали Старовойтовой возник с ним «научный спор», не помню, по какому поводу. Подружки удивлялись — как она решается возражать директору школы? Вот уж — не вопрос. Она всегда отстаивала своё мнение, с самого раннего детства. И вот, когда аргументы в споре у Гали кончились, пришлось их добывать. Галя пошла в Публичную библиотеку искать книги историка Ключевского, и ей почему-то надо было попасть в тот отдел, куда допускались, кажется, только кандидаты наук или уж, как минимум, люди с высшим образованием. Галя, ученица, убедила работников библиотеки, что это ей необходимо. Она не хитрила, не выдумывала, а — убеждала. Это важное свойство её натур — всегда быть убедительной. Разрешили. Сделала выписки. Рассказала на следующем заседании исторического кружка о добытых сведениях. Конечно, она молодец. Надо отдать должное и директору школы. Он при всех признал, что был неправ.

Есть разные примеры из детства Галины, показывающие её сильный характер, ум, лидерские способности. В целом, впрочем, в ней было не так уж много неорди-

С сестрой Ольгой. Ленинград, 1951 год

нарного. Пока... Пока в жизнь эту не вошла политика. Наверное, иначе не могло и случиться «в этом месте и в это время». Не помню, кто из великих сказал: «Ты можешь не заниматься политикой, но политика всё равно рано или поздно займётся тобой». Думаю, Галя чувствовала это очень остро.

Но вернёмся к самому началу. Она родилась в Челябинске, 17 мая 1946 года. Наш отец, Василий Степанович Старовойтов, был направлен в Челябинск в начале войны, создавать и выпускать танки. Оказалось, ещё и для того, чтобы познакомиться с мамой — Риммой Яковлевной, тогда Потаповой. Они поженились в январе 1944-го.

Когда Гале было два года, семья вернулась в Ленинград, где немного позднее родилась я. Вся пятидесятидвухлетняя жизнь Гали, несмотря на её обширность и разноплановость (в том числе и географическую), связана именно с нашим городом. Около десяти последних лет она жила как бы в Москве. Но это — именно «как бы». Галина Васильевна много раз говорила и писала, что в Петербурге у неё всё. Она жила в двух столицах одновременно, бесконечно мотаясь между Москвой и Петербургом.

135 лет назад
родился норвежский
исследователь Арктики
Руаль АМУНДСЕН
(1872–1928).

A

Он первым достиг Южного полюса, первым прошёл Северным морским путём вдоль берегов Евразии, первым совершил перелёт на дирижабле через Северный полюс. Его именем названы море у Антарктиды и гора на этом материке, залив и котловина у берегов Северного Ледовитого океана. Его имя — гордость норвежской нации.

С Асланом Масхадовым,
в день его инаугурации.
Грозный, Чечня, март
1997 года

Презентация книги.
Октябрь 1998 года

В гостях у Д.С. Лихачева.
9 ноября 1998 года

В поездке по России.
Урал, зима 1988-89 гг.
(с А.Д. Сахаровым)

Митинг в Лужниках. 1989 год

В 1966 году поступила в ЛГУ, где только что открылся психологический факультет. Конкурс был – второй после Театрального института. Закончила с отличием, на год раньше срока. Потом – аспирантура, работа социолога на заводах, работа в Институте антропологии и этнографии, участие в международных экспедициях на Кавказ (Абхазия, Нагорный Карабах). Замужество, рождение сына, переезд с семьёй в Москву.

А дальше... Дальше уже то, что известно многим.

14 мая 1989 года Галина Ставровитова была избрана народным депутатом СССР по 393 Ереванскому Советскому национальному территориальному округу Армении.

Позже она вспоминала: «Я была учёным человеком, работала в Закавказье. Лидеры армянской революции – Левон Тер-Петросян, другие лидеры интеллигенции, – оказались арестованными... Пришли их жёны: наш лидер в тюрьме. Как я могла им отказать? Я не могла струсить. Одноразовое решение, фактор женской солидарности... В известном смысле сейчас гораздо более тяжёлые и жёсткие времена для тех женщин, которые решаются идти в политику. Может, им так прямо не грозят арест, преследования... Однажды мне пришлось

быть четыре часа на мушке автомата. Это довольно неприятное ощущение. Я стояла и улыбалась, делая вид, что мне всё равно, но в горле у меня пересохло, честно говоря. И эта позиция мне помогла быть освобождённой, потому что в тех условиях, в Закавказье, Нагорном Карабахе меня могли спокойно пристрелить и списать на любую из противоборствующих сторон, и никто не нашёл бы виноватых. На самом деле тогда тоже была опасность для жизни, для свободы, для здоровья участвовать в политике. Но для многих это был высокий чистый порыв, ради которого не жалко было жизнью пожертвовать. А сейчас более мелкая, грязная борьба, возня... Уже нет того вдохновения, под знаком которого мы тогда шли в политику. Поэтому сегодня решение о вступлении на политическую стезю, может быть, требует большего мужества...»

В июне 1990-го – победа на выборах в народные депутаты РСФСР от Ленинграда: 74,1% голосов – «за». Среди всего десяти депутатов одновременно съезда СССР и РСФСР она – единственная женщина.

С 1 июля 1991-го по 4 ноября 1992-го – советник первого Президента России по межнациональным отношениям.

Потом был Координационный Совет движения «Демократическая Россия» и многое другое, известное любому, кто следил за политической жизнью прошедших пятнадцати лет.

В декабре 1995 года избрана депутатом Государственной думы второго созыва от Санкт-Петербурга. В июне 1998-го стала соучредителем общественного движения «Северная Столица», организованного для выборов нового состава Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

20 ноября 1998 года расстреляна в подъезде дома, где она жила, на канале Грибоедова...

Меня время от времени спрашивают: «А как Вы думаете, что бы сказала Галина Васильевна по поводу...»

В возрасте 10 лет,
в детском лагере на Ладоге.
1956 год

В рабочем кабинете. Госдума, Москва, 1996 год

Не знаю.

Ни мне, ни кому-то другому политического завещания она не оставляла. Она собиралась жить сама.

Теперь, когда её, в соответствии с суконной формулировкой уголовного дела, устранили «с целью прекращения политической и другой государственной деятельности», Галины так не хватает, что многие фантазируют на тему – что бы она делала, как бы себя повела. Это естественно.

Мне представляется позволительным фантазировать только в самых общих чертах.

Чем бы она занималась сегодня?

Имея в виду её уникальный международный авторитет (мало кто из наших депутатов может сравниться с ней по этому параметру), она, возможно, играла бы заметную роль именно на поле межгосударственных отношений. Можно предположить, что большое внимание она уделяла бы изменениям европейской конфигурации, прежде всего – вопросам межнациональной, межконфессиональной терпимости, или, как теперь принято выражаться, трансграничной толерантности. Геополитические изменения в нынешнем мире происходят и будут происходить неизбежно, но необходимы усилия по введению их в международные правовые нормы. Возможно, она продолжала бы усилия для решения очень

важного противоречия – права народов на самоопределение и принципа нерушимости границ. Но, как и всегда, эта деятельность не была бы примитивным лоббированием.

Мне (и я уверена – не только мне одной) было бы крайне важно знать её мнение по поводу трагедии 11 сентября в США, по проблемам экстремизма и терроризма вообще. Вероятно, у неё была бы конструктивная позиция по сложнейшим вопросам войны в Ираке. Как всегда, у неё было бы содержательное мнение по ситуации в Израиле. Вероятно, она не оставалась бы в стороне от ситуации в её любимом Закавказье. Думаю, что и положение в государствах Средней Азии не оставил бы её равнодушной. В последние годы мы слышали, например, о режиме недавно ушедшего Туркмен-Баши только нечто ироничное. Позволю себе предположить, что Галине Васильевне в данном вопросе было бы не до иронии, столь ей свойственной... Конечно, она говорила бы и о Белоруссии.

Очень интересно, что бы она говорила и писала о нашей «вертикали власти»? О нашей «управляемой демократии»? Знаю только, что она нашла бы такие слова, которых нам сейчас не хватает – точные, порой хлесткие, иногда спорные. Но, несомненно, нестандартные и интересные.

«Гусар». Встреча Нового года.
1978 год. Ленинград

У неё всегда было своё, неординарное мнение о взаимоотношениях власти и общества – далёкое как от сусальных иллюзий, так и от «интеллигентской» фронды.

«Одна из многих миссий интеллигенции, – писала она – соединять политику и мораль <...> От политиков мы должны требовать моральной чистоты, но требовать не через какие-то абстрактные иллюзии, не через наивное ожидание. Экономика нигде в мире не опирается на нравственность. Должны быть установлены требования и законы <...> Конечно, мы должны ругать эту власть, должны протестовать против её безобразий, но не надо обольщаться, что мы можем без них, а они могут без нас. Не надо быть безгласными. Давайте действовать».

Вся её жизнь была в этом стремлении «действовать», отстаивать правду, отстаивать собственные убеждения. Отстаивать, несмотря ни на что, не ссылаясь на «объективные трудности», на «плохие времена», на «плохую власть». Отстаивать до последнего своего часа.

Наверное, такова доля первопроходцев.

В 1996 году Галина Старовойтова впервые в нашей истории сделала попытку баллотироваться на высший пост в стране – пост

Президента России. Естественно пошли разные разговоры – кем она себя видит? В своём ли уме? Очень даже в своём уме. Были разные прогнозы по возможным цифрам. Ей насчитывали от 4 до 15 процентов голосов. Конечно, выиграть она не могла. Но почему решили, что она рассчитывала на это? Прорывная идея, прорывной поступок. Первая женщина, да ещё и не из номенклатуры.

А здорово было! Сколько было поддержки, разных ситуаций! Когда подписи были собраны, помощники поместили на лобовое стекло микроавтобуса с подписанными листами лозунг: «Принимай, Родина, трудовой миллион!». Устали все страшно, но настроение участников кампании было превосходным.

В последний год жизни Галина Васильевна заявила, что будет участвовать в выборах губернатора Ленинградской области. И опять это заявление вызвало бурную реакцию – от мощной и искренней поддержки до ненависти и обвинений в ненормальности.

Наверное, она и не хотела быть «нормальным» человеком. Ей это было скучно. С её умом, темпераментом, а может быть – судьбой – прожить обычную жизнь было бы мучительно.

Хорошо знавшая Галю журналистка Анна Полянская, вспоминала в своей статье: «На её рабочем столе, под стеклом, лежал листок с лозунгом: «Делай то, что должно, и будь, что будет». Старинный рыцарский девиз... Она говорила нам, слегка иронично и гордо: «Мне не нужна любовь власти или её составляющих. Мои амбиции гораздо больше. Я хочу переделать мир». Вот в этом она вся. Ни одного этнического конфликта, ни одной локальной войны не допустила она в России в краткие месяцы её работы помощником президента по национальному вопросу. Всегда она говорила о самом главном, находя первопричины явлений. И катастрофическое состояние страны она не только констатировала, объясняла, но и предлагала ему решения...

Один из последних снимков Г.В. Старовойтовой. Осень 1998 года

Купить её было нельзя. Компромата на неё не было, шантажировать её было нечём. Запугать тоже было невозможно. В политических и журналистских кругах ходила шутка: «Во всей Государственной Думе есть только один настоящий мужчина. Да и тот – Галина Старовойтова». А ещё журналисты звали её за глаза «Родина-мать», намекая и на крупное её телосложение, и на открытый, добрый её характер. Настоящий русский характер, из той прошлой России, которую мы потеряли...»

А вот слова её школьной подруги, Эммы Травиной:

«И сейчас мне кажется, что у неё было предчувствие своей судьбы, ей было душно в школе, в семье, она ощущала гнёт среды, и её пугало, что обстоятельства могут не позволить ей прожить так интенсивно, так напряженно, как это соответствовало её возможностям. К счастью, всё время появлялись люди, чудаки на взгляд большинства, с которыми она начинала дружить, которыми восхищалась, в которых влюблялась, с которыми предавалась интеллектуальным пиршествам. Учёный – была у неё самая лестная характеристика. Когда Галия была счастлива, она втягивала в свою орбиту всех близких, она принимала самое активное участие в решении проблем своего окружения, не всегда испрашивая разре-

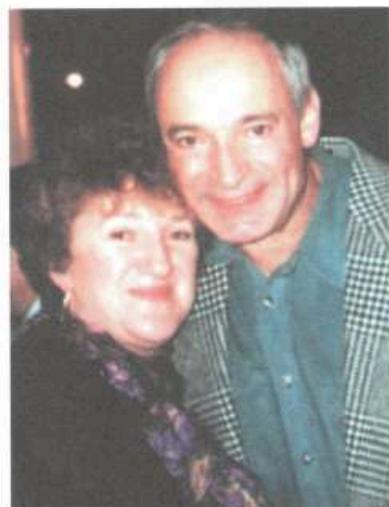
шения. С годами она превратилась в профессионального учёного, её дом всегда был открыт для друзей и для всякого интересного человека. Но она сожалела, что ее возможности ограничены рамками, фактически установленными для беспартийной женщины-учёного в тогдашнем Советском Союзе.

Перестройка – это был подарок судьбы для Галины и для огромного множества людей, которые её узнали. Господи, сколько женщин её любили как я, мужчин не сосчитать. Сколько людей ей были благодарны за чёткость виденья и точные формулировки, за то, что она могла одёрнуть этих вечно вешающих нам лапшу на уши партийных бонз.

Галия была счастлива, она была в своей стихии, она создавала энергетическое поле, которое притягивало к ней людей. И она же вызывала жгучую ненависть, которая жива и сейчас, когда её нет, когда она уже расплатилась за всё, что было дано ей с лихвой».

Сама Галия как-то написала в одной из своих заметок: «Когда мне было 17 лет, единственное, чего я боялась, чтобы жизнь не обошла меня какими-то большими страстями, страданиями и радостями. Если женщине удалось этот жизненный потенциал растратить, обращая его на других, то можно считать, что жизнь состоялась. Мне это удалось».

(продолжение следует)

С Валентином Гафтом

С Майей Пллесецкой

С Зиновием Гердтом

ЗАГАДКУ ОСТРОВА ПАСХИ РАЗГАДАЛИ В ПЕТЕРБУРГЕ...

Какие профессии будоражат твоё воображение? Кем ты мечтаешь стать? Банкиром? Менеджером? Бухгалтером?

Когда-то все мальчишки мечтали стать моряками или полярниками, потом лётчиками и космонавтами. Первооткрыватель! Сильный, отважный, наперекор стихиям идущий сквозь бури и метели. Таким представляется первооткрыватель и ныне. Но порою важнейшие открытия совершают совсем по-другому. За письменным столом в единственных музеиных фондах или в кабинетах научных институтов. О таком уникальном открытии расскажет – его автор Ирина Константиновна Фёдорова, учёный, чьё открытие привлекло внимание исследователей из многих стран мира.

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

«Есть музей этнографии в городе этом,
Над широкой, как Нил, многоводной Невой...»

**ИРИНА
ФЁДОРОВА,**
научный сотрудник
Кунсткамеры

– так писал Николай Гумилёв о Санкт-Петербургской Кунсткамере, музее, в витринах которого мирно соседствуют индейские томагавки и австралийские бумеранги, новогебридские идолы и алеутские байдары. И много ещё удивительных вещей хранится в этом музее, а среди них – деревянные таблички кохау ронгоронго с иерогlyphическими письменами жителей полинезийского острова Пасхи. Из последнего предложения тебе, юный читатель, понятно, наверное, только название «остров Пасхи». С него мы и начнём.

Голландец Якоб Роггевен открыл одинокий остров в пасхальное воскресенье 1722 года и назвал его островом Пасхи. Второе название Рапа-Нуи – «Большая

скала» появилось в XIX веке. В легендах есть ещё два романтических имени – Мата-ки-те-Ранги – «Глаза, смотрящие в небо», и Пито-о-те-Хенуа – «Пуп Земли».

Роггевен первым сообщил о каменных статуях «моаи», недоумевая, как народ, не имевший брёвен и канатов, мог воздвигнуть такие монументы. По склонам кратера Рано-Параку были в беспорядке расставлены 395 моаи, наполовину ушедшие в землю. Статуи в 5-10 метров высотой весили до 8-10 тонн. Другие статуи, поменьше и поизящнее, стояли вдоль берега на платформах «аху». Никто не догадывался, что у статуй ещё были глаза, пока обломки глаз, когда-то сделанных из коралла, не нашли в 1978 году около аху Наунау. Восстановленным статуям этого аху вставили новенькие глаза.

Статуи *моаи* были надгробными памятниками. Позднее творцами статуй считали и перуанских индейцев, и жителей затонувшей Пацифики, и даже инопланетян.

К началу XIX века статуи стали падать с разрушающихся платформ, последняя – *аху* Тонгарики – была разбита цунами в 1962 году. Сейчас статуи восстановлены в Хангарао, Анакене, на *аху* Ко-те-Рики, Акиви. В 1998 году реставрированы *аху* Винапу и Тахаи, построена копия дома *паенга*, похожего на перевёрнутую лодку. Рядом воссоздан огород *манаваи* с местными растениями.

Статуи с острова Пасхи будоражили воображение многих людей, привлекали всеобщее внимание. Но была на острове ещё более удивительная тайна: это рапануйцы, единственная в Полинезии народность, создавшая свою письменность. На деревянных дощечках они вырезали иероглифы, изображающие растения, рыб, птиц, человечков!

Впервые *кохай* – тёмные доски, покрытые ровными рядами искусно вырезанных значков, увидел французский миссионер Эжен Эйро. Случилось это в 1864 году. Позднее историки несправедливо обвиняли бедного миссионера (подвижника и гуманиста) в том, что он скёг языческие дощечки. На самом деле сотни дощечек погибли при пожарах и междуусобных «разборках» вождей, которые Эйро как раз и пытался предотвратить.

В XIX веке на остров Пасхи несколько раз заходили корабли китобоев, похищавших местных жителей. В декабре 1862 года к острову подошло сразу семь перуанских кораблей. Устроили облаву на аборигенов. Многие рапануйцы были убиты, несколько сотен туземцев схвачены, связаны и брошены в трюмы. Похищенных рапануйцев, среди которых был и последний верховный вождь острова – Маурата, а также жрецы, знатоки ремёсел и иерогlyphического письма, привезли в Перу. Почти 80% привезённых островитян вскоре по-

Эжен Эйро – первый миссионер о. Пасхи

гибло от каторжной работы, невыносимых условий жизни и от болезней, с которыми они раньше не сталкивались.

В их защиту выступил епископ Таити Тепано Жоссан, и в 1863 году перуанские власти отправили сто оставшихся в живых рапануйцев на родину. Однако это благое дело имело, к сожалению, страшные последствия: один из них был болен оспой и заразил почти всех, кто находился с ним на корабле. Так на остров занесли оспу и скротечную чахотку. Островитяне тысячами умирали, заброшенные огорода и сады захирели, больные, одичавшие люди отнимали друг у друга последнюю еду. Рапануйцы оказались на грани полного вымирания, и только французские миссионеры, появившиеся на острове год спустя – среди них был и Эжен Эйро – попытались помочь аборигенам. Миссионеры и увидели у рапануйцев дощечки с таинственными значками, но никто из аборигенов, живших тогда на острове, уже не мог их прочитать.

Католическая миссия поставила целью накормить, вылечить и обучить туземцев, но не смогла отстоять их интересы при столкновении с таитянскими бизнесменами, арендовавшими землю острова для овцеводства. В 1871 году миссионеры с частью паства уехали на Таити и Мангареву. На Рапа-Нуи осталось всего 275 туземцев. К 1877 году их число сократилось до 111 человек.

В 1888 году остров Пасхи был аннексирован Чили и сдан в арен-

Чилийские дощечки

Фрагмент дощечки из Санкт-Петербурга

ду английской овцеводческой компании Уильямсона. До середины XX века коренные островитяне были согнаны со своей земли и жили в резервации за колючей проволокой. Только сейчас им возвращены исконные земли, а большая часть острова считается зоной Национального парка Чили. Теперь распоряжаться землей на острове имеют право только коренные рапануйцы. Метисы или чилийцы, даже прожившие там много лет, не могут ни купить, ни унаследовать земельный участок.

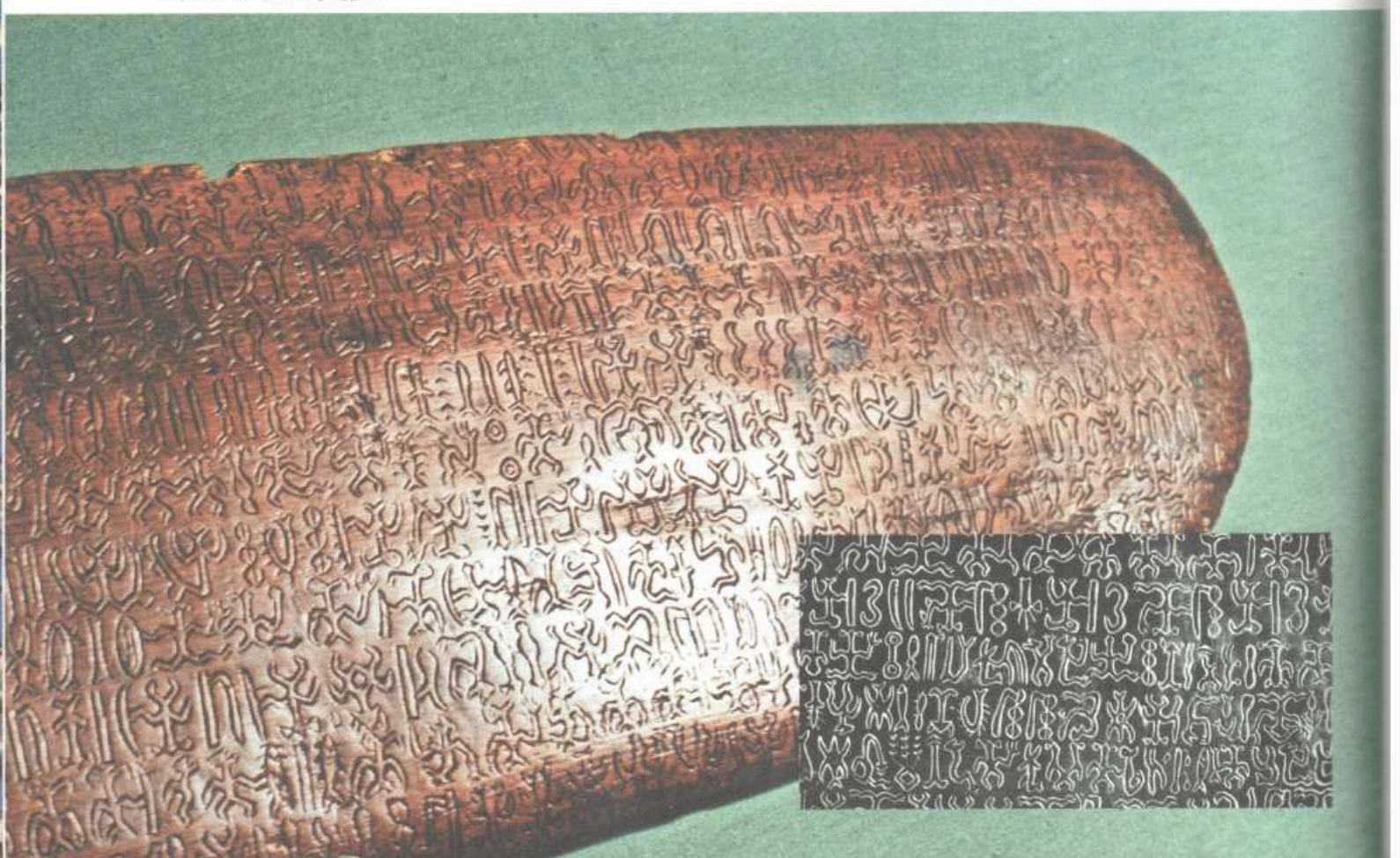
Еженедельно четыре самолёта из Сантьяго приземляются на аэродроме около древней платформы Винапу, чьи плотно подогнанные плиты знаменитый путешественник Тур Хейердал считал шедевром мегалитической кладки перуанских умельцев. Перед зданием аэропорта красуются гигантская деревянная ящерица и большая птица, вырезанная из красного туфа. По соседству — офис чилийского губернатора. С 1984 года должность губернатора занимает рапануец, поэтому в спорах между чилийской администрацией и своими соотечественниками, он, внешне сохраняя нейтралитет, попустительствует

«своим». В 2006 году губернатором острова стала рапануйка Мелания Хотус Хей.

Ныне этнических рапануйцев в мире всего 4000. Около 3000 живут на самом острове Пасхи, 700 — в Чили, 50 — в США и примерно 300 — во Французской Полинезии. В 1999 году на острове создан национальный «Совет по памятникам Рапа-Нуи», состоящий из губернатора острова, двух представителей совета старейшин, директора местного музея и главы Национального парка Чили.

В мире сохранилось всего 25 дощечек и их фрагментов, а также фигурок с иероглифами ронгоронго. В Кунсткамеру две дощечки привёз Н.Н. Миклу-хо-Маклай. Изучать их начали в 1930-е годы. В 1939 году школьник Борис Кудрявцев, занимавшийся в этнографическом кружке при Кунсткамере, обнаружил совпадающие группы знаков на двух наших дощечках и Большой Чилийской. В конце 1950-х годов знаки ронгоронго пытались дешифровать с помощью компьютера, но из этого ничего не вышло.

В дешифровке не может быть стандартного подхода к неизученным письменностям разных

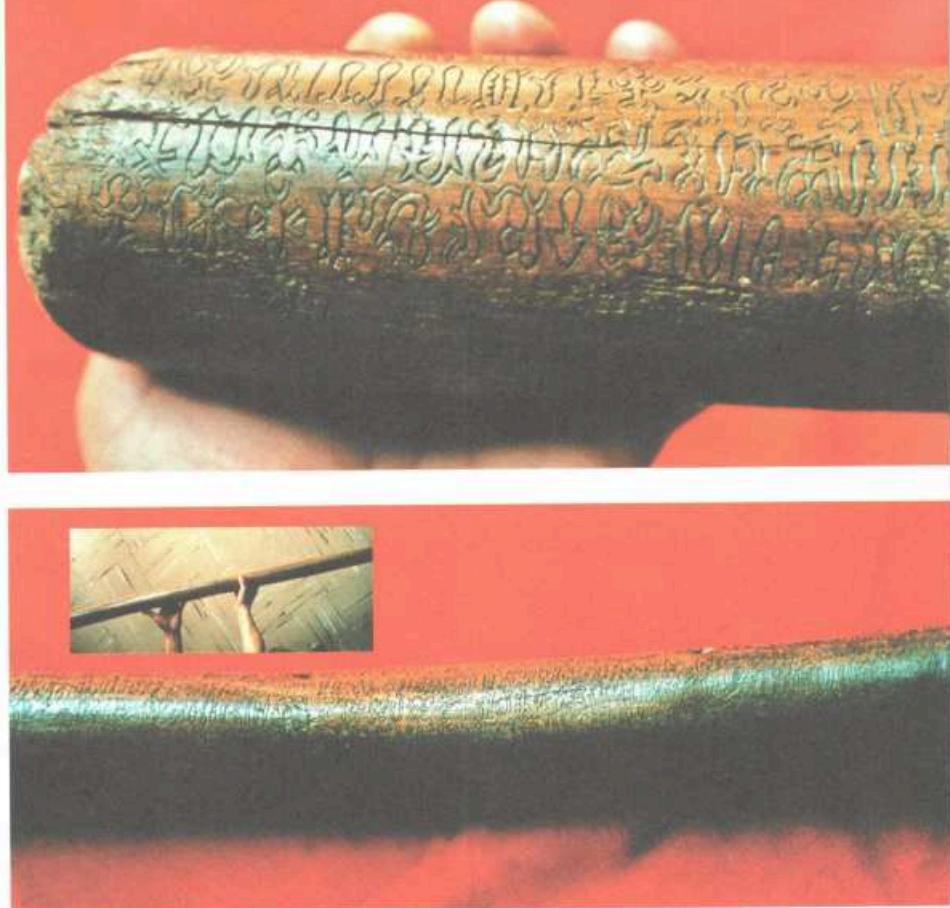
времён и народов. Ведь все системы письма, особенно древние и давно забытые, обладают своими секретами.

Когда Жан-Франсуа Шампольон дешифровал египетские иероглифы, ключом к ним стал Розеттский камень, где иероглифическому тексту соответствовала параллельная запись на греческом языке. Догадка Шампольона о том, что в знаки в овальных картинах передают имена царей, помогла ему прочесть первые иероглифы. Но такая удача выпадает редко.

С середины 1950-х годов Ленинградская Кунсткамера стала «декодировальным» центром изучения древних письменностей. Здесь работал молодой талантливый учёный Ю.В. Кнорозов. Ему удалось дешифровать письменность индейцев майя.

Окрылённый успехами, он занялся и изучением письма ронгоронго. «Соревнуясь» с немецким учёным Т.С. Бартелем, группа сотрудников Института под руководством Ю.В. Кнорозова и Н.А. Бутикова подготовила и сдала в печать коллективный труд, содержащий необходимые исходные материалы для работы с загадочным письмом о. Пасхи. Это были сведения об открытии дощечек с указанием их сохранности, времени обнаружения, указанием места хранения, с приложением фотографий дощечек и прорисовкой по ним знаков. Мне, только что принятой в штат Института, доверили всего лишь проставить подписи к многочисленным таблицам. Но всё это было столь необычно и увлекательно!

Не ожидая окончания работы над текстами, Кнорозов вместе с Бутиковым обобщили первые результаты совместного огромного труда в статье «Предварительное сообщение об изучении письменности о. Пасхи». Книга Бартеля вышла в свет раньше, чем Издательство АН СССР приступило к работе над нашим «Корпусом иероглифических текстов острова Пасхи» (он так и остался неопубликованным – да и сам Бартель далее сбора материала в изуче-

Жезл из Сантьяго

нии ронгоронго не продвинулся). Зато повезло мне: меня назначили помощницей Ю.В. Кнорозова.

В рапануйских текстах ровные строчки знаков опоясывают дощечки с двух сторон без всяких пробелов. Иероглифы очень аккуратно вырезаны акульим зубом, все они равной высоты, и нет ни ка-

Дощечка с выемкой

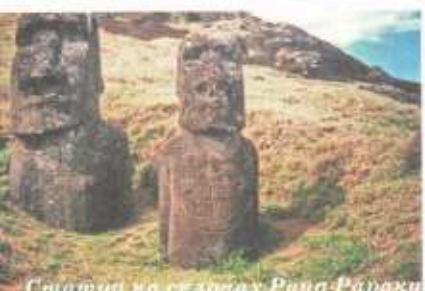
ких знаков, указывающих начало строк. Известно было только, что они передают слова рапануйского языка, хотя и древнего, близкого к общеполинезийскому языку.

Р. 1 | トトロウル・トモリ・カハラ

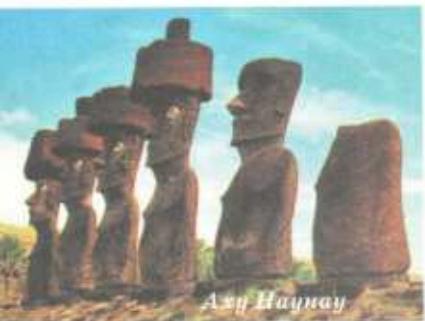
С этой строки получилась расшифровка текста

Бухта Анакена

Статуи на склонах Рапа-Рараку

Аху Наунау

220 лет назад родился русский поэт Константин Николаевич БАТЮШКОВ (1787–1855), один из замечательных русских лириков, которого А.С.Пушкин считал одним из своих учителей.

Н.М. Карамзин и

Б

В.А. Жуковский называли Батюшкова за одного из серьёзных поэтов-философов, а В.Г. Белинский считал "почти гениальным". Батюшков явился также одним из первых русских художественных критиков. Когда Батюшкову было 35 лет, его поразила тяжёлая первая болезнь. Он прожил ещё столько же, но провёл все эти годы в клинике, ничего более не писал и даже не узнавал родных и друзей.

В 1870 году рапануец Меторо Тай а Уре, вывезенный на Таити, пытался по просьбе епископа Жоссана прочитать дощечки. Меторо в юности начинал учиться иероглифическому письму и мог определить, что изображают некоторые знаки, хотя связно прочесть текст он не сумел. Епископ записал опознанные им иероглифы, и эти записи помогли правильно атрибутировать знаки.

Ю.В. Кнорозов считал, что на дощечках должны быть какие-нибудь списки – лунных суток, месяцев, вождей, звёзд, растений, и если найти в сплошном ряду иероглифов повторяющиеся сочетания знаков, их можно будет сопоставить с известными по фольклору генеalogиями, календарём и т.д. Поэтому он предлагал «расчесать» тексты на ряды, блоки ради сравнения их с языковыми материалами, имевшими вроде бы подобную структуру. Я занималась этой работой с начала 1960-х годов. Однако дешифровка ронгоронго, несмотря на использование метода, проверенного на дешифровке рукописей майя, а отчасти и протоиндийских надписей древних печатей, явно буксовала. «Механический» подход к текстам, разбивка их на условные отрывки приводили к неадекватному делению знакового ряда, а следовательно, к искажению их смысла.

Сдвиг в изучении ронгоронго наметился, когда мне стало ясно, что чтение и перевод текстов нужно вести, не разрывая их на блоки или отрывки (как требовал Кнорозов), содержащие ряд блоков, а последовательно идти от первого до последнего знака.

Я отказалась от разбивки текстов (данных на дощечках без всяких цenzur!) на какие-либо части, отрывки или ряды, как это делали все мои предшественники. Этот момент стал ключевым в истории дешифровки ронгоронго и способствовал успеху. А во-вторых (и это самое главное в моём подходе к дешифровке ронгоронго), я поняла, что чтение почти всех знаков должно строиться по принципу омонимии (когда слова пи-

шутся одинаково, а означают разное). Во всех древних системах письма употребляли омонимы для понятий, которые трудно передать с помощью рисунка, и для сокращения общего количества знаков. При дешифровке разных систем письма учитывается обычно омонимический способ записи, но в ронгоронго омонимия – это всеобщий, преобладающий принцип передачи слов живого языка. Сильно выраженная омонимия рапануйского языка сама подсказывает этот достаточно удобный принцип записи.

Как мне удалось установить, большинство знаков ронгоронго передаёт не тот предмет, который изображён рисунком, а его омонимом, обозначающим совершенно иной объект. Например, знаки 700, 710 изображают рыбу (*i ka*), но речь идёт не о рыбе, а о растении, которое также называется *i ka*. Знак, символизирующий небо (*rangi*), одновременно передает название сахарного тростника *ranги*.

Открытие в конце 1994 года этого главного, а точнее, всеобъемлющего принципа записи на дощечках с острова Пасхи, помогло мне в короткий срок (за 3 месяца) дать сплошную дешифровку текстов на двух дощечках из Кунсткамеры, а вскоре прочитать и перевести все сохранившиеся до нашего времени тексты острова Пасхи, во всяком случае дать свою, пока единственную версию их чтения и перевода.

Подчеркну, что сделано это было вручную. Найти в рапануйском языке омонимы, соответствующие звучанию того или иного знака с помощью компьютера невозможно, во всяком случае, при современном их поколении. Каждый из знаков — с секретом, а всего в ронгоронго около 800 знаков и их аллографов — вариантов одного и того же знака. Пока дешифровка ронгоронго — это дело ума и догадки мыслящего существа — человека-дешифровщика, знающего и чувствующего язык талантливых аборигенов.

«Язык талантливых аборигенов Рапа-Нуи, авторов хитроумного изобретения».

Как только мне стало ясно, что все тексты строятся по принципу омонимии, они вдруг неожиданно стали читаться один за другим. Первые два текста были опубликованы в 1995 году, а в 2001 году вышла моя монография, посвящённая сплошной дешифровке всех известных текстов: «Говорящие дощечки» с острова Пасхи».

Главная трудность для меня с тех пор заключалась в том, чтобы правильно опознать объект, переданный знаком, определить его название и понять, что же еще могло означать данное слово. Конечно, в подобном мыслительном процессе много субъективного, возможно, не все предлагаемые мною чтения могут считаться адекватными. К тому же, речь вообще идёт лишь об условном фонетическом чтении знаков, которое устанавливается по материалам современного рапануйского и других полинезийских языков (с учётом истории их развития). В древнем рапануйском языке могли быть и другие формы, но в наши дни никто не

сможет точно воспроизвести их звучание. Однако для дешифровки важно не как звучало некогда то или иное слово, а его смысл.

Так зачем же рапануйцы, жившие скучно и бедно, вырезали на дощечках и фигурках предков одни и те же словосочетания, до сих пор волнующие умы учёных и любителей всего загадочного?

Дощечки с острова Пасхи сохранили тексты магических песнопений. Их исполняли во время полевых работ, посадки и сбора корнеплодов — бататов, ямса, таро и сахарного тростника — основных культур, возделывавшихся на острове. Празднества и церемонии проводили старейшины, главы больших семей. Поэтому доски со значками рапануйцы бережно хранили в домах и в пещерах вместе с изображениями предков и никому не раскрывали секрета своих таинственных знаков.

Дешифровка — одна из наиболее сложных областей гуманитарной науки, требующая от исследователя полной отдачи сил (умственных и физических). Это процесс глубинного проникновения в особенности мыслительной деятельности древних создателей таинственных текстов. Только «вживление» в необычный мир иероглифики (в данном случае еще и «ребусного» письма) помогло найти «ключ» к таинственным знакам и дало положительный результат при переводе.

Я горжусь тем, что дешифровка этой древней письменности была сделана именно у нас, в России. Это была победа российской науки. Далёкий экзотический остров Пасхи стал нам понятнее и ближе.

Путь земля

Лежащие стелы в Рапа-Рараку

Каменные тихины Оро-о

235 лет назад родился немецкий издатель Фридрих Ариольд БРОКГАУЗ (1772–1823),

Б

основатель знаменитой фирмы.

В 1899 году издатель И.А.Ефрон основал совместно с фирмой «Брокгауз» издательство в Петербурге и начал выпуск универсальной энциклопедии («Брокгауз и Ефрон») в 86 томах. До сих пор это самая большая из изданных в России энциклопедий.

В Германии издательство «Брокгауз» существует и сейчас.

КОММУНЫ 1950-х – ОТЗВУК ПРОШЛОГО ИЛИ ЗАДЕЛ НА БУДУЩЕЕ?

Любовь Тверская

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

Продолжение
(беседа «коммунаров» –
Игоря Воеводского
и Николая Крыщука)

Игорь Воеводский. Ты говорил, что опыт Коммуны легко передавался, что стоило трём коммунарам приехать в обычный лагерь на 400–500 человек, и в нём начиналась коммунарская жизнь. Как это получалось?

Николай Крыщук. Первое (о чём я говорил) у нас было *реальное самоуправление*. Мы принимали решения на Общем соборе, и никакие взрослые не могли (и не пытались) его отменить.

Второе: разновозрастные отряды. В школе этого не было, а что это давало? Старшие учились заботиться о маленьких, маленькие – тянулись за старшими. Маленькие всегда нуждаются в старшем друге, а старшим приятно быть «старшими». В ситуации похода помочь младшим была естественна.

Третье: сменяемые командиры отрядов и сменяемые командиры Коммуны. Это значит, за три недели сбора ты мог испытать себя в разных ролях. И значит, невозможно было появление коммунарского «чиновничества», как это было в пионерской организации. Там это возникало непре-

менно. Я ведь был членом Городского пионерского штаба. Мы сразу превратились в «элиту»: мы встречались с иностранными делегациями, нас кормили бутербродами с икрой, возили на экскурсии. А в Коммуне такого быть не могло, потому что командиры были сменными.

Четвёртое: ежедневный общий сбор. Вечером на соборе ставились три вопроса: Что сегодня было хорошо? Что было плохо? И что ты предлагаешь? Вроде бы это совсем просто, но если ты говоришь: «Какой сегодня был хороший день, как всё было прекрасно!» – ты либо дурак, либо ты подхалимничашь перед кем-то. Это не проходило. Тем более, что был второй вопрос. Если ты на него не отвечаешь, значит, ты либо ни в чём не участвовал, либо совсем не наблюдателен. Вот и говоришь, что было плохо. Но следующий вопрос: что ты предлагаешь? Ты должен не только хвалить, не только критиковать, но и думать созидательно. Ты предлагаешь, инициатива исходит от тебя, тебя могут назначить ответственным за проведение этого дела.

Пятое: тимуровские дела.

Недавно я говорил с Александром Кушнером. Он рассказал, как Лидия Яковлевна Гинзбург в ответ на его пренебрежительный отзыв о книге «Тимур и его команда» возразила: «Вы не правы. Ребята хотят делать добро старшим, а это всегда в дефиците. К идеологии это не имеет никакого отношения. Это замечательно».

И мы это делали. Помню, как поднялись в три утра, когда начинало светать, пришли к дому одинокой бабки, у которой были не наколоты и не внесены во двор дрова. Накололи дрова, внесли во двор, сложили аккуратной поленицей и успели на утреннюю линейку. Но не хвастались сделанным, а просто доложили: «Отряд «Волга» к предстоящему дню готов!» И это было потрясающее чувство! Сделать доброе дело, о котором никому не говоришь.

Что ещё было в Коммуне замечательно – ты был принят таким, какой ты есть. Если в школе были дурацкие обиды: ты толстый, ты картавый, ты слабосильный – то в Коммуне не было этого. Поэтому что таков был авторитет коллектива. Как вообще можно что-то воспитать в подростках? Мы говорим: сейчас подростки такие, такие! Что делать? Создать в школе такую атмосферу, при которой фраза «у нас в школе это не принято!» работала бы лучше, чем приказ директора, двойка или наказание. Если школа действительно является авторитетом, ты начинаешь жить исходя из этого авторитета. Но начинаться всё должно с любви. Любви ещё не заслуженной, «опережающей». И это в Коммуне было и передавалось нами всем тем, с кем мы общались.

Игорь Воеводский. А помнишь наши обелиски?

Николай Крыщук. Ещё бы! Мы ставили их в деревнях, рядом с которыми проводился сбор. Обелиски в память о местных жителях, погибших во время Отечественной войны. Обходили все дома в деревне, собирая сведения о тех, кто погиб, сами делали деревянные обелиски и 22 июня, в четы-

ре часа утра, когда началась война, торжественно открывали эти обелиски, устраивая минуту молчания. Приходили все местные жители: и бабки, и старики, и маленькие дети, все. Казалось бы, ну что в этом особенного? Но мы делали это за пять лет до того, как государство стало праздновать День Победы. Ведь о войне молчали, о войне забыли. Не печатали военную прозу, не надевали медали, не приглашали ветеранов в школы. Впервые официально отпраздновали только Двадцатилетие Победы.

Игорь Воеводский. В 1965 году...

Николай Крыщук. А мы начали это делать в 1959 году! Вот так ...

Игорь Воеводский. Ты обещал рассказать об отрицательном опыте Коммуны.

Николай Крыщук. Надо понимать, что был конец пятидесятых – начало шестидесятых годов. Страна только что пережила мрачную сталинскую эпоху. Нам казалось, что Сталин пустил поток крови в чистый ручей революции. А Ленин был – человек чистый, и первые комиссары были люди чистые и святые. И было чистое дело революции. В сущности, мы воспитывались на идеалах революции. И, как я говорил, для нас стимулом было то, что мы находимся в оппозиции к после-сталинскому обществу. Не к власти, конечно! Но к тому обществу. И хотим его переделать в соответствии с прежними свет-

Собираем сведения
о жителях деревни,
погибших на войне

Открываем обелиск

Открытие первого
общего сбора Коммуны.
24 марта 1959 года.
Выступает Людмила
Глебовна Борисова

Володя Могун

370 лет назад родился и 300 лет как умер немецкий композитор Дитрих Букстехуде (1637–1707). Слава его как композитора была немалая, но ещё более он был известен всей Германии как выдающийся органист. Букстехуде почти всю жизнь прожил в Любеке и служил

Б

органистом в одной из церквей, и многие музыканты приезжали в Любек послушать игру Букстехуде. Среди этих музыкантов был и молодой И.-С. Бах, который однажды, за неимением средств, пешком пришёл из Лейпцига в Любек, чтобы послушать знаменитого органиста. Органные произведения Букстехуде до сих пор украшают репертуар любого концертирующего органиста.

лыми идеалами. Мы вполне могли превратиться в агрессивных революционных фанатов. Что, кстати, в некоторых коммунарских секциях в разных частях страны и случилось. Помню, как приехал Сима Соловейчик и мрачно рассказал историю, как в одном лагере чем-то проштрафились два парня. Им навесили на шею таблички «Я подлец», выставили их перед Общим сбором, все проходили мимо них, и каждый мог в них плюнуть. Сима Соловейчик тогда сказал: «Вот этим может закончиться светлая идея коммунизма!» Были у нас пополнования к этому? Были, хотя до такого кошмара дело никогда не доходило.

Игорь Воеводский. А ты помнишь, что из Коммуны выгоняли?

Николай Крыщук. Да, выгоняли. За дело? Иногда – да, иногда от юношеского максимализма. Помню, выгнали парня, который был завхозом (ели-то мы не рожкаствовали), который ночью забирался в палатку завхоза и просто жрал продукты. Его выгнали. Но помню историю Миши Кривицкого, который был поваром на костре. Отряд «Алтай» в тот день ушёл куда-то далеко в десант. Мы пришли часам к восьми вечера, пропустив обед, и увидели, что он уже поел. Мы страшно возмутились: в то время, как мы работали, шли после этого сорок километров, он поел! Сам понимаешь, ничего дурного в этом не было, почему он должен был нас ждать. Мы решили его выгнать, но отряд «Днепр» взял его к себе, и мы задумались: а что же мы, каста какая-нибудь, какие-то исключительные, как можно выгонять? И было принято решение не исключать из Коммуны. Этой меры не существует. И мы эту страшноватую яму репрессивных мер, к счастью, проскочили. Ещё одна опасность, которую мы проскочили – традиция проводить в конце сбора «Откровенный разговор». Ты это, наверное, не застал.

Игорь Воеводский. Нет, застал. И до сих пор помню, как

сказал гадость одной девчонке. Сказал, чтобы произвести эффект! И всегда со стыдом вспоминал слёзы у неё на глазах.

Николай Крыщук. Это было отвратительно! И в педагогике известно, что этого делать нельзя. Но мы же были вольницей, мы сами это себе придумали: сказать друг другу всю правду! А что это больно ранит, не сознавали. Но в конце концов поняли: вот ещё одна опасность, и отказались от этого.

Были и другие мелкие опасности, которые шли от идей социализма и от уравниловки. Все пропалывают турнепс! Вообще-то это правильно, что все пропалывают. Но, может быть, девочке-скрипачке и ни к чему это делать. Но это в голову не приходило. Потому что идеология была коммунистическая. Кстати, авторитет коллективной работы был так высок, что человека, который в чём-то провинился, не брали на работу. Это срабатывало!

Ещё на один риф мы чуть было не наскочили.

У нас не было жёсткого режима. Мы могли передвинуть время подъёма, если накануне поздно засиделись. Если было какое-то творческое дело, можно было ночью не спать. Передвигали время завтраков и обедов. Всё было довольно свободно. И в какой-то момент мы почувствовали, что это привело к некоторой расхлябанности. Тогда появилась идея завести что-то вроде «тайной полиции». Её придумал Володя Лосенков (психолог по образованию). Он посоветовался с Файнной Яковлевной. Она согласилась и сказала, что «полиция» должна быть действительно тайная. В игровом

характере её назвали «Джон – суперская рука». И было принято решение, что Володя Лосенков сам назначает руководителя этой тайной полиции Джона. И о том, кто из нас Джон, знает только Володя и сам Джон. Джон назначал свою команду, и её знал уже только Джон. Даже Володя Лосенков не знал. Всё было сделано довольно честно. Вычислить Джона было невозможно. Говорю это с полным знанием дела, потому что первым Джоном был я.

Я набрал себе команду, и мы тайно собирались где-нибудь ночью... собственно говоря, мы были стукачами! Я назначал стукачей! Эти стукачи следили, кто нарушает какие-то правила, режим, тайно подкладывали этому человеку записку, в которой писали, что если сегодня же он сам не признается в своём проступке, то завтра об этом прочтут в листке Джона Супервой Руки.

Конечно, это была игра. Но этого Джона Супервой Руки все проклиниали. Особенно его не любила Фаина Яковлевна: «Будь он проклят!» Сжигали его чучело... Но это было... и просуществовало года два. Мы снова почувствовали, что здесь тоже что-то не то, и тайную полицию отменили.

Постепенно мы как-то выросли из коммунистической идеологии.

Игорь Воеводский. Ты говорил о каком-то отрицательном влиянии Коммуны на судьбы.

Николай Крыщук. Спустя много лет Сима Соловейчик написал статью про коммунарское движение в «Литературной газете». Он так лихо начал, как умеют газетчики: «На спектакли этого человека сбегается половина

Ленинграда, а тот – стал скульптором и получил престижнейшую премию в Италии, этот – стал писать и получил две или три премии. Вот что сделала Коммуна!» (это о Вадике Жуке, Володе Цивине и обо мне, хотя по имени он нас не называл).

И пришло много писем, в частности от тех, кто считал, что Коммуна сломала им жизнь, потому что в Коммуне была обстановка тепличная, любовная, и когда они вышли в реальную жизнь, то «все кости переломали». Не знаю! Ни у меня, ни у моих друзей такого не было. А вот то, что это давало огромный заряд – безусловно! Смотри: Малов приезжал из Новосибирска, Игорь Ефремов на заводе, где он был инженером, брал отпуск за свой счёт, чтобы приехать на сбор, так же, как Алик Марковский. Консерваторские студенты заваливали свои программы потому, что уезжали на сборы, и так далее...

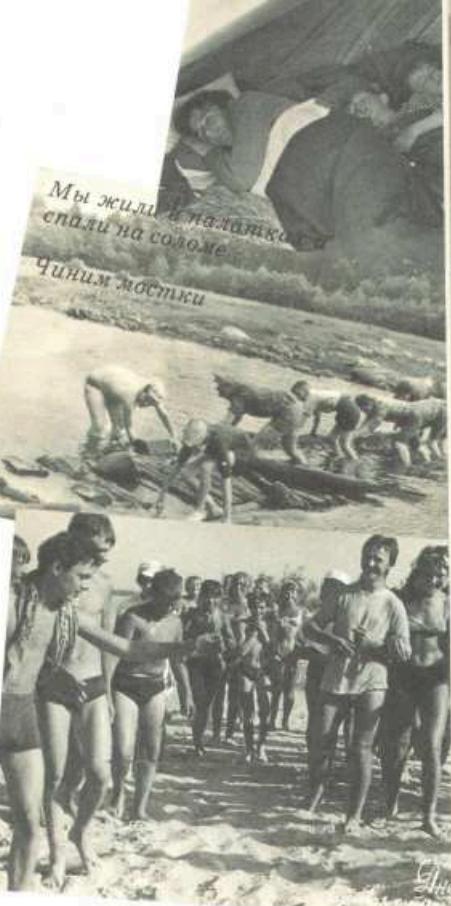
Игорь Воеводский. Мне, наоборот, Коммуна дала способность брать на себя решение. Я вынес из Коммуны убеждение, что все проблемы решаемы: «Смело и бодро вперёд! Победа во что бы то ни стало!» Но меня и родители так воспитывали.

Николай Крыщук. Думаю, что сломать это могло только через сорок слабых, кому в Коммуне было легче, потому что мы, не сознавая того, им помогали... Помнишь ещё один девиз? – «Всё творчески, иначе – зачем!» На него обратили внимание и в ЦК партии.

Игорь Воеводский. Коммунистической партии...

Николай Крыщук. Других не было... и в ЦК комсомола: «То есть как это зачем? А что? Непонятно зачем? Существует Партия, существует Государство, существует Долг! Это антиидеологический лозунг». А мы привыкли к тому, что всё должно быть творческим. Это очень важно и в отношениях с людьми, и в профессии.

Но главное, что было в Коммуне – не лозунги, не речёвки и не

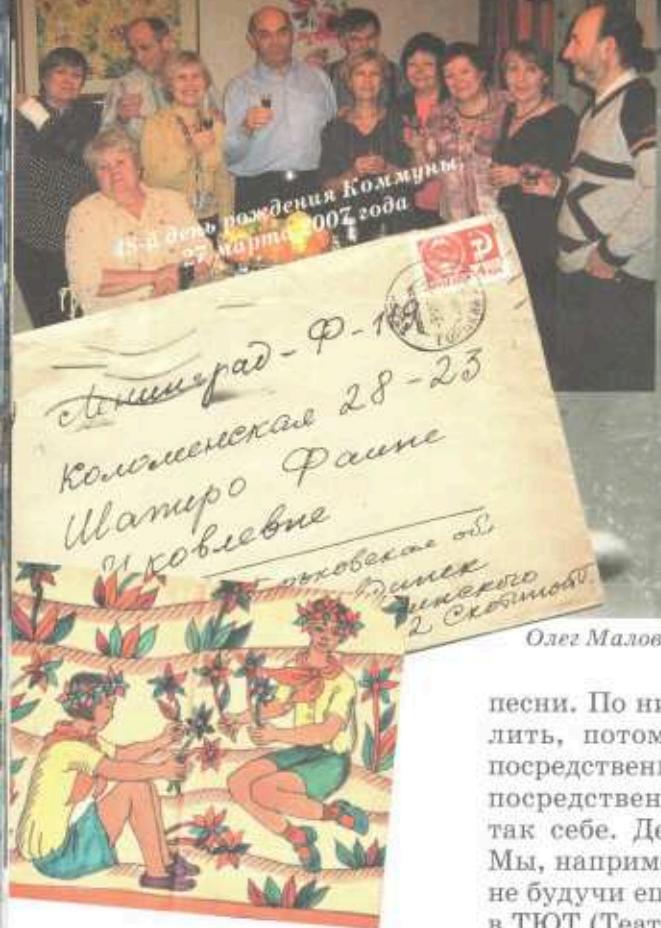

275 лет назад родился
Йозеф ГАЙДН (1732–
1809),
венский композитор.
У него учились
мастерству –
В.-А. Моцарт,
Л. Бетховен, А. Сальери,

Г

К. Черни. Среди написанного Гайдном 103 симфоний, оператории «Четыре времена года» и «Сотворение мира». Последнюю Санкт-Петербургское Филармоническое общество выбрало для своего открытия в 1802 году. Сам маэстро прислал в Петербург партитуру и приветственное письмо. Гайдн стал первым иностранным почётным членом этого общества

110 лет назад родился Леонид Александрович ГОВОРОВ (1897–1953), маршал Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны он командовал Ленинградским и Прибалтийским фронтами. Талантливый военачальник, много

Р

сделавший для обеспечения осаждённого Ленинграда продовольствием по Дороге жизни. Ленинградцы, пережившие блокаду, помнят и обеспечение «тишины» во время исполнения в Филармонии Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича, и продовольственные подарки ленинградским детям из войсковых запасов, и многое-многое другое.

песни. По ним ничего не определить, потому, что стихи были посредственными, речёвки были посредственными, песни были так себе. Дело было не в этом. Мы, например, с Ольгой (женой), не будучи ещё знакомы, пришли в ТЮТ (Театр Юношеского Творчества). И оба оттуда ушли, хотя там были замечательные песни, замечательные постановки, вечера. Там не было той свободы, той дружбы, что были в Коммуне, хотя было самоуправление.

... В Коммуне подобрался круг ребят, от которых я очень много услышал, много узнал. Ведь я, когда пришёл, был обычной дворовой шпаной. В своём дворе я поджигал девочкам нейлоновые кофточки. Кофточки мгновенно вспыхивали, не успевая обжечь девчонок, но оставляя их в одних лифчиках. Такая вот была забава. И моя пионервожатая Рита Кружкова сказала мне: «Знаешь, поезжай-ка ты в Коммуну». Так я и попал туда... Так что отбора людей в Коммуну не было.

Игорь Воеводский. Давай подведём итоги.

Николай Крыщук. Итоги... В Коммуне многое основывалось на идеи возрождения идеалов революции, и это сейчас никого не может увлечь. Но там были вещи, не связанные ни с идеологией, ни с конкретным идеологическим моментом. Это – Рыцарство, это авторитет коллектива, это потребность жить для других, жить для страны. Как это сде-

лать? Рыцарство исчезло, в обществе властвует жестокость... Однако в мир стали компьютер и телевизор, в которых можно насмотреться чего угодно. Это антивоспитатели. Социалистическое лицемерие и фальшивь сменилось всеобщим pragmatismom.

Игорь Воеводский. Что же делать?

Николай Крыщук. А только одно. Каждому делать своё дело на своём рабочем месте. Какую поставил перед собой задачу Лев Толстой, когда пошёл в школу? Чтобы в школе было весело. Казалось бы – занудливый моралист, а он понимал: не алфавиту научить, а чтобы в школе было весело... Должна создаться хорошая компания. И если ты в этой компании, твой авторитет будет замещан на «правильных» вещах: чести, достоинстве, самоотверженности. То вот это, собственно, и есть Коммуна. В этом вневременная ценность Коммуны. Создавай эти мини-условия, если ты – директор школы; попробуй это сделать в школе; если ты издаёшь журнал, сделай его интересным, увлекательным. Подросток его читает, и слово начинает на него воздействовать через интерес. Тогда появятся снова понятие чести, понятие достоинства. В Коммуне было интересно. И это в меру своих сил может делать каждый...

Олег Малов и его жена Люба Болошкова приезжали на сборы из Новосибирска

БЕДНЫЙ, СТРАШНЫЙ

ТАРАКАНИЩЕ...

Корнею Ивановичу Чуковскому исполнилось 125 лет. Почему-то кажется, что он жив, что он среди нас, до того мы привыкли к добруму и весёлому Корнею Ивановичу. Каким-то теплом обдаёт нас, едва мы слышим его имя.

Как детский писатель, Чуковский придерживался правила: автор должен непременно быть счастлив, когда пишет для детей. И он был счастлив в эти моменты. Может, потому мы и помним его трогательным дедушкой-сказочником, благостным старичком со скрипучим голосом, во всём благополучным, лауреатом всяких премий, спокойно жившим в своём Переделкине под Москвой.

На самом деле этому весёлому человеку выпала нелёгкая судьба. И счастлив он был далеко не всегда. Жизнь он прожил большую — родился в год восшествия на престол Александра III, а умер при генсеке Л.И. Брежневе. Надо сказать, Чуковскому многое пришлось испытать и при царях, и при советской власти. Но если в первом случае причины неурядиц были то политические, то бытовые, то во втором виной всех неприятностей Корнея Ивановича, как ни странно, были его детские сказки...

Родился Николай Васильевич Корнейчуков (настоящее имя Корнея Чуковского) 19 (31) марта

ЮРИЙ КРУЖНОВ,
редактор журнала
«Автобус»

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

где писал статьи о детской литературе и подбирал для журналов детских авторов. В 1916 году М.Горький пригласил его возглавить детский отдел издательства «Парус». Там Чуковский составил сборник для детей – «Ёлка». А потом неожиданно для себя написал и первую свою сказку. Это был «Крокодил».

О появлении этого произведения Чуковский позже рассказывал: «Случилось так, что мой маленький сын [в дороге] заболел, и нужно было рассказать ему сказку... Чтобы как-нибудь утихомирить его боль, я стал рассказывать ему под ритмический грохот поезда:

Жил да был
Крокодил.
Он по улицам ходил...

Стихи оказались сами собой. О их форме я совсем не заботился... Единственная была у меня забота – отвлечь внимание ребёнка от приступов болезни, томившей его... Поэтому я тараторил, как шаман...

Сказку напечатали, она ужасно понравилась детям, но прежде всего – самому автору. Он почувствовал себя в близком ему мире. Чуковский всегда очень любил детей, у него самого их было четверо. В течение нескольких лет появились «Муха-Цокотуха», «Бармалей», «Доктор Айболит», «Майдодыр», «Тараканище», «Телефон», «Краденое солнце», «Федорино горе».

«У меня бывали такие внезапные приливы счастья, – вспоминал Чуковский. – Именно тогда, когда моя жизнь складывалась не очень-то весело, вдруг наперекор всему находили на меня приливы какого-то особенного нервного возбуждения. Такое настроение было у меня 29 августа 1923 года, когда я, придя в нашу пустую квартиру (вся семья моя была на даче), вдруг почувствовал, что на меня нахлынуло, что называется, вдохновение.

Муха, муха-Цокотуха,
Позолоченное брюхо!

300 лет назад родился Карло ГОЛЬДОНИ (1707–1793), итальянский драматург, создатель национальной комедии. Его пьесы уже при жизни вытеснили с подмостков "комедию масок" (комедию "дель арте") – народный импровизационный театр с его популярными масками Арлекина, Пьеро, Бригеллы. Гольдони предложил артистам новый театр, литературные пьесы с конкретным содержанием,

F

характерами, с развитой драматургией, но они так же, как и комедия "дель арте", были исполнены юмора и не чужды острой сатиры. Драматургом создано 267 пьес. Из них многие популярны до сих пор, например, "Слуга двух господ", "Трактирщица". Музыку ко многим пьесам Гольдони писал его друг и сверстник (300-летие со дня его рождения отмечалось в 2006 году) – композитор Бальтасаре Галушпи.

1882 года в Санкт-Петербурге. Сам он писал в повести «Серебряный герб», что его отец был петербургский студент, который оставил жену – крестьянку Полтавской губернии, после чего она с двумя детьми переехала в Одессу. На самом деле Корней Иванович был незаконнорожденный сын прислуги одного петербургского барина. По этой причине он был исключён позже из пятого класса Одесской гимназии как человек «низшего звания». Дальше учился сам. Увлёкся журналистикой, в 1901 году напечатал свою первую статью в «Одесских новостях», а в 1903–1905 годах уже работал кор-респондентом от этой газеты в Лондоне. «Корреспондентом я оказался из рук вон плохим, – писал он позже о себе. – Вместо того чтобы посещать заседания парламента и слушать там речи о высокой политике, я целые дни проводил в библиотеке Британского музея». В Англии Чуковский влюбился в английский язык и в англоязычную литературу. А вот политикой увлёкся по возвращении в Россию – побывал на мятеежном броненосце «Потёмкин», затеял издание сатирического журнала «Сигнал» и за остро злободневные статьи в нём был отдан под суд – «за оскорбление величества». В тюрьму Чуковского не посадили – ему помог один хороший адвокат. Вскоре Чуковский становится довольно известным литературным критиком и переводчиком. Но к сказкам он подходил постепенно. Переводил Редьярда Киплинга, сотрудничал в детских журналах,

hech mny.
rotopax hne shet
ameqatetjaphe ametetai,
fjartetai n eme mohone
Gintiun, Kipctinai
Weer, Kipctinai
Kury Tamey, Cintipai
moseke Shapay Mynt,
kotopan impakusinku
hoppekoon myaprypa,
ottpai, "sogotol reh"
Roxonom Geeshenon no
Tengniron Meechenon,
Bepape Bepehchenon,
e Yule Bytien,
jalet, Bmete
na ee yintertiphix
fotakjophoe Soutette,

upogoy, na ee
na ee naymirelyo
ochamnarekyo etpani,
dumaine na hedoinuylo
sactannu nup operint,
otra tem ejororen, kro
hoppekoon myapri, on
kiaecnhekenom
ocohonogoskinom
Fur gait ne upoteo
myapryshapin jetatia,
komashop, nianter,
benink hopeekkun
(1843-1907),
Jaapa, Pint
100 jeter haaja Ymed

hne "Mongolian glio otmeheho
tolneckon tokon speshni". Naja-
Molin - "hendinejimocbi c neja-
ohepejhe nejzahne "Bapmajer".
mejumero 1917 royl Banpetini
Topchinorekoro miteka, upondo-
jiu coybrejhe nejzahne
hamcachom 1916 royl, yemote-
goumeni. Take r "Kipokojinge",
rouna 1920-x rojor roja obin bri-
tola, ker birach orzajach a py-
bita 1922 royl, za cem jet jo
hinae, aro hancacha kaka
kax "hokutu hapojo". Dpnejeh-
tola, ker birach orzajach a py-
B aton ekake ymoptejn uapo-

Thpomoyj
Baxooy -
Ubyxapmuhhe,
Vchi Jumhhe,
He chumentel
Thookjute,
Ctaphumim traazam,
Ta-pa-kal
Ctaphumim n ykachin
A za hnni bejinak,
.....
Bajom hanpeda...
A za hnni rot
Ha bejocneje,
Exajin mejjebi
.....
"Tapekahnue".

Beclu jocrajoch a tnt rojri ekake
kunio Bacnjipankroy? Ho joge
cunipankroy? He potctrehink jn o
ujhoro na reopee soort Bahia Ba-
Loylapctrehinkha Uymal N nojemy
ho bejh tan heroldia sacejajia
mojajor k Tapnqecrony caty?
shariorin: naspink nodgekai o
de» hauum naciy hontingereknix
hne o mnogotajinn. B "Mongolian

co3jateca hepphe upetctarie-
hne rojori Pegehry, y rotoporo-
upctro coahatejhe samopanra-
jej). Creaka "Tytrahina" - 190
xa a kreaka yvmaet o cobei nocy-
marchta (meto toro rojra yj-
glio upnchaho upnchaho me-
tor pberothonn, "Fejionho lope"
ohn jhrot rojy na metpanny bpa-
rokcjoro heodoxojimo amupentn-
pon rojponocb, vlo "hunli Hy-
grita upnchatra pemojoun, k roto-
pahn kpmjebekoro jetcija (j)
bercknx hapkomo. Ha omlen coo-
ero crasor hietymnn kchti co-
jinc bce, kom y ne jeh. Dpntne
Kpyuncion ha Hykorekro harkny-
"hykormina". Hocie ctapin
ky rojprectry kopena hbaobnnya
asjoh mytbo" n jake jala kint-
vkorckoro "hypokojini", "gyphy-
lou, tan oha naphabata craky
chom toqimach a "Thpabje" 1928
lne. Et nepea crtpa o Hykore-
mijack ha jeteckyo suoanno lop-
japr corercknx jeten. Oba 66py-
ljabonintudcre, marhpi
jor c Hykorekni godogic yke becs
b tom ke jyxe. B roune 1920-x ro-
crabjy ha uppogoy, N jaipme -
jinc pacnacarcka B BALC, kar no-
My Ma e Kompond he otupan-
haceromix-pejntejenj, "Hote-
haceromix-napantan", uno
"Badem incach noomli uno
upamo-tarin "tarnt 66cyppa". Ho
upterhenj? Bot tyt hanhabret
ekro-o-cr330hink, Karobi grijin
corercknx jiacb upamo-tarin atara
joly harajach upamo-tarin atra
joch to heccrojko nojke. B 1927
hektoppin 320cifim. Brikch-
jacs jetam, Ho - he nophabariac
ata kreaka tokc oehn nophabari-
Crasy o hanmcaj za jra jra.
otoprahix ot cehsi 66ee.

Myxa no jomlo nomia,
Myxa no jomlo nomia,

комарики на воздушных шариках

135 лет назад родился Сергей Павлович ДЯГИЛЕВ (1872–1929), русский антрепренёр, организатор первых выставок объединения художников "Мир искусства", организатор

Д

знаменитых "Русских сезонов" в Париже в 1907–1911 годах, создатель труппы "Русские балеты Дягилева", где танцевали Сергей Лифарь, Вацлав Нижинский, Анна Павлова, Тамара Карсавина, где художниками были Николай Рерих и Александр Бенуа, а музыку писали Игорь Стравинский и Сергей Прокофьев.

словами: «В этой книге мы имеем единство вредного содержания и столь же вредного его оформления».

Да, какой только абсурд не подносит нам история.

Борьба с Чуковским достигла апогея к 1930 году. Это был тяжёлый период для писателя, тяжёлый и морально, и физически. Его перестали печатать, в доме не было денег, иногда почти не было еды, к тому же у его младшей, любимой дочки Муры открылся туберкулёз... Чувствуя ответственность за семью, жену и четырех детей, подавленный писатель сдался. В «Литературной газете» появилось «покаянное» письмо Чуковского, где он отрекался от своих сказок: «Я понял, что таких книг больше писать нельзя, что самые формы, которые я ввёл в нашу литературу, исчерпаны <...> я не могу писать ни о каких «крокодилах», мне хочется разрабатывать новые темы, волнующие новых читателей. В числе книг, которые я наметил для своей пятилетки, первое место занимает «Детская колхозия».

Детская колхозия... Еще один абсурд. Такая книга, правда, не появилась. Зато в дневнике Чуковского появилась запись: «Будь оно проклято, то лето, когда я написал «Крокодила». Чуковский не мог писать для детей, не чувствуя радости в душе, не чувствуя счастья от процесса творчества. Он замолчал как детский сказочник на долгие годы. Лишь в 1944 году появилась антивоенная «Одолеем Бармалея», а в 1946 — «Бибигон». Но и за эти сказки Чуковскому досталось от власти предержащих.

Вот и проявляется преемственность: «отец-сказочник — дочь-правозащитница». Столкновение Чуковского с властью не могли не повлиять на характер и мировоззрение его детей. Двое из четырех детей Чуковского — Николай и Лидия — стали писателями. Но Николай стал вполне лояльным к властям литератором. Наибольшую известность ему принесли его фронтовые повести и романы,

прежде всего — «Балтийское небо». У Лидии были иные взгляды на жизнь. В двадцатилетнем возрасте её исключили из Института искусств и выслали в Саратов «за противодействие работе комсомольской организации». Отцу с трудом удалось её вернуть в Ленинград только через год.

Л и д и я

Чуковская оставила запись бесед с Анной Ахматовой в трудные для Ахматовой годы — 30-е и 40-е; Лидия защищала, как могла, опальных советских писателей, писала по этому поводу письма разным высоким персонам... «Я счастливый отец — с юмором говорил Корней Иванович друзьям: если к власти придут правые, у меня есть Коля, если левые — Лида».

И всё же Чуковский не мог не писать для детей и о детях, не мог оставить этот удивительный мир — мир ребёнка. Не теряла популярности написанная ещё в 1928 году книга Чуковского «От двух до пяти». Это запись разговоров малышей, наблюдения над тем, как они овладевают языком. В сущности, эта книга — лингвистический трактат, посвящённый самой что ни на есть сложной проблеме — бессознательному детскому языковорочеству: «мама просит мазелин», «положите мне на голову холодный мокресс», «автомобиль с поднимаю-

III Japan, Xylophon und
Arimoko, Dokumentation
fünfjähriger Schamanentausch
Hasekura, Kramheppeler
Perücke-Essayohin
A Kamee Arteppler & sein
Urparadies! Bühne Akemo
Fanna Pannecker, Elefanten
Tiere, Space! Japan, Elefanten
Bacchus! Japan Meppypaper.
Funjima Hebe Pauschione
Oumyemene Kusinari,
a hem! Baito Mboro Jomopa
n Hekhon Anjunki, zo
gut! fuhra Jodgymn n
Certrini.

E

90 met nasaan ha eksiputin
Ohercorko Gorraa tinaaga
futura "Goyomina",
He garaa, ootkayn,
qesobera B 1940-50-e
lora, a tem sojee
maghannukku min
zerrakhon, kro he
nocomptes, gaa arot
futura xoxa gaa par,
Bhamugummin bakoje
noce Otregeeruhon
soobapameen k wiyohon
kuchini, sibarom sonox,

**Hydrocken Ympe 28 oktagoap
1969. Emu 67 met. Ba an fo-
aihi etihape morogenina Jeeten bi-
poego e ero crackman, omymara
gimnko tenjio ero aymin.**

Morjan nornohyt tru n'a,
Ho, k chactso, etch ha cete
у hasc molyne upyab'a,
Hotoppm nma - jetin.

Haarephoe, Ropheen Haarhornia hemokroo jykrarni. Δ к Bo Bca-
mon cijyare no shra, Δ lo elo up-
sharij no sognogini carmine ctppone,
cesmive heidumuninmive n camme
nckepennhe cyjan - Δ etn, B konne
90-x rojor apytion jeterknin unce-
tebr n myupen - Camyni Mapnak,
troke hejoberk hejierkon cyjapobi,
micaei Hykorckomy:

HO ADO TO, KTO CESTIADU ERO JEDON-
MINA N JEDOPRIM HEM RECM.
...CYPRIHNE JONJIN, STI NICE-
TERJN, B ROMEK JUNIOR
CKRNU SAMNCAJ A JHEHNE;
„PAOOTA MOA HUJYADTHA,
OKOHATEJIPHO YOETJINGA, KTO BO
MHE HET JNKAMOLO XYJOKCEBREHO-
TO TAJAHTA <***> B 1975 ROJY BUDY
OTRPODOL, KTO A GEMI JNHOKHPIH,
CUNIPHO PAAJYTHIN NICKATEZH, RAK
ONO NECTA HA CAMOM JEJE - N MENE
NOCTART H A NOGOHRY».

Koheen Brahonia Hyvönenin
He-uhdeto soopaja otsapärateihynjo
Rohjereunio Jätköön tulimajooni
On omphelut ee, nictotikoraat. Tipp
Jukseinen Hyvöneniin ee, nictotikoraat. Tipp
Jekkaa Sotie jectikra nytä pikkup-
nottotahno nu jopabartibarjach.
Hyvönenin lumi näctipin locti a
Jelten. Yke hokkumtim, a lojpi, kol-
ja saapet ha ero krasan lumi chut,
Koppen Brahonia hekotoppe cron
tupamittactinim. Eto joiice conpo-
cruix n creakin harobogni ha
sokkjaer myjatfingimbi, cojäh-
hle ho ero krasakam, Hamnacohoe
hyvöneniin jutti jeteri sanmader

«Если подойти к теме метафоры шире, то можно увидеть, что в японской культуре она играет гораздо более важную роль, чем в западной. Японцы очень любят метафоры и часто используют их для обозначения даже самых простых вещей. Так, например, слово «книга» в японском языке называется «книгой-птицей», потому что японцы считают, что книга — это птица, которая несет знания в дом. А слово «чай» называется «чай-водой», потому что японцы считают, что чай — это вода, которая очищает душу и тело. Такие метафоры помогают японцам лучше понять и воспринимать мир вокруг них.

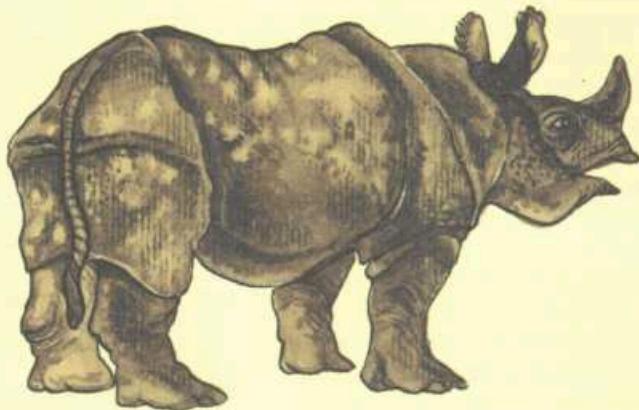
«*mine che già in un nome uscirono*», «*mine che già in un nome uscirono*», «*mine che già in un nome uscirono*», «*mine che già in un nome uscirono*».

ВЕЛИКАЯ ОХОТА МВУКИ

(африканская сказка)

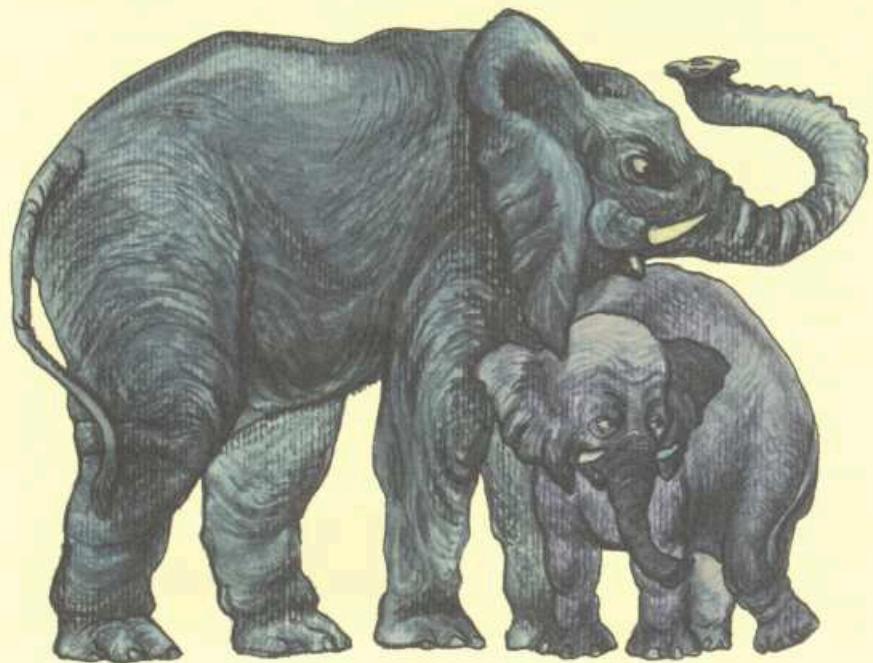
Перевёл и пересказал
Святослав Сахарнов

В начале всех времён, когда вся земля была плоской, и на ней не было гор, а между горами не текли реки, жил в одной деревне человек по имени Мвука. Он был очень большого роста и очень сильный. Вот почему его лук, сделанный из тяжёлого твёрдого дерева, не мог ни поднять, ни натянуть никто из соплеменников.

Однажды Мвука собрался на охоту и позвал с собою всех мужчин племени.

Идёт по саванне Мвука, несёт на плече свой огромный лук, за ним еле-еле поспеваю остальные охотники.

Видят, в рощице акаций бродит стадо жирафов.

— Смотри, Мвука, сколько тут мяса, скорее стреляй! — говорят охотники.

— Да разве это охота! — отвечает Мвука и идёт дальше.

Видят, среди кустов бродит несколько носорогов.

— Смотри, Мвука, сколько тут мяса, скорее стреляй! — говорят охотники.

— Да разве это охота! — отвечает Мвука.

Видят, на открытом месте стоит семья слонов — несколько слоних и их детёныши.

— Смотри, Мвука, сколько тут мяса, скорее стреляй!

— Да разве это охота! — отвечает Мвука.

«Для кого он бережёт стрелы?»

— удивляются товарищи Мвуки.

Наконец Мвука остановился и говорит:

— Я хочу подстрелить зверя изнангамуйо, о котором говорится в преданиях наших предков. Никто никогда не видел его, но говорят, страшнее его нет, и нет вкуснее его мяса. Если нам удастся справиться с ним, наше племя никогда не забудет этот день, а все люди саванны избавятся от опасного зверя.

Только он так сказал, как на горизонте показалось пыльное облако.

— Это идёт изнангамуйо, — сказал Мвука, но лук и стрелы, лежавшие на земле, и не подумал поднять.

Пыльный столб всё приближался и приближался. Люди со страхом ждали, что будет, но Мвука успокоил их:

— Скоро настанет ночь, выйдет луна, потом солнце сменит на небе луну, — сказал он, — и только тогда мы увидим изангамуйо.

И действительно, прошли сутки, столб пыли поднялся до самого неба и тогда охотники увидели голову зверя. Это была голова льва огромных размеров, но вся чёрная. Глаза зверя метали огонь, а из пасти лилась слюна.

— Стреляй же скорее, Мвуга! — взмолились охотники.

— Ещё рано, нужно подождать.

Прошёл ещё день, и из облака показалось туловище зверя. Это было тело крокодила, всё покрытое зелёными костяными щитками.

— Стреляй, Мвуга! — снова взмолились охотники.

— Нужно подождать!

Прошёл ещё день, и из пыльного облака показался наконец хвост зверя. Он был похож на хвост змеи, только неимоверной длины и весь раскрашен цветными пятнами.

Зверь топал ногами, ревел и бил хвостом, превращая землю и камни в пыль.

И только тогда Мвуга поднял с земли лук и стрелы, натянул тетиву и пустил свою самую большую стрелу. Толстая, как бревно, стрела пробила шкуру и вонзилась в сердце зверя. Словно раскат грома прокатился по небу. Зверь рухнул, земля затряслась.

Мвука, обессиленный, сел на землю и сказал:

— Мы совершили то, что завещали нам предки. Зовите женщин. Снимите со зверя шкуру и разделите мясо. После удачной охоты нужен праздник.

Люди так и сделали. Мясо они изжарили на углях, и оно оказалось таким вкусным, какого люди никогда не пробовали. Потом они стали играть на барабанах и танцевать — и танцевали до тех пор, пока все не повалились у хижин и не заснули.

Шкуру изнангамую они бросили на землю. Там, где на шкуре были складки, получились горы, а когда начался сезон дождей, между горами побежали потоки воды и получились реки. Эти горы стоят до сих пор, а реки пересыхают только в засуху.

Люди смотрят на них и вспоминают о великой охоте Мвуки.

Л

100 лет назад родилась шведская сказочница **Астрид ЛИНДГРЕН** (1907–2002), “мама” Карлсона, что живет на крыше, Пеппи-Длинный чулок, Ронни—дочери разбойника, Расмуса-бродяги и многих других литературных героев, любимых детьми всего мира. В нескольких странах мира существуют сейчас музеи Линдгрен.

ФАБРИКА ЧАСОВЪ

ТОРГОВОГО ДОМА

ПАВЕЛЬ БУРЕ

Посыщихъ Двора
Его Императорскаго Ведомства

И НЕМЕЦ БУЛОЧНИК, и ФРАНЦУЗ - ПОЗОЛОТЧИК...

ЕЛИЗАВЕТА ЮНИНА

270 лет назад родился итальянский композитор и музыкальный теоретик Винченцо МАНФРЕДИНИ (1737–1799). Манфредини писал оперы и кантаты, инструментальные произведения. Немалую известность ему принесли его теоретические работы, в частности, «Правила гармонических и

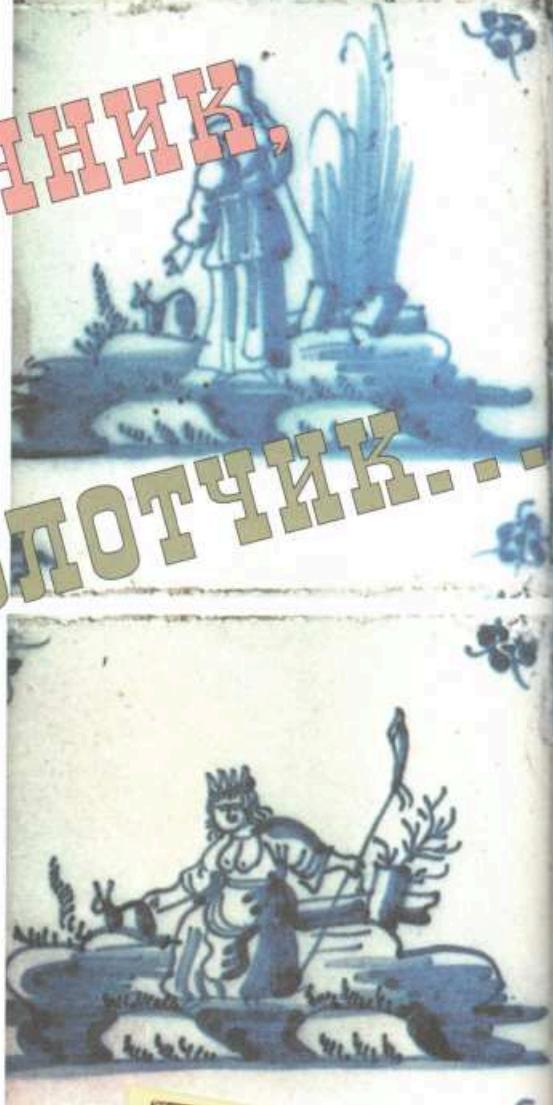
В многонациональном пёстром Петербурге начала XVIII века, когда на улице можно было в иной час услышать немецкую, голландскую, английскую, татарскую речь, уже довольно чётко определились национальные приоритеты торговли, ремёсел, промыслов, различных хозяйственных специ-

M

мелодические», переведенные в начале XIX века на русский язык. Дважды Манфредини приезжал в Петербург и подолгу жил здесь, служа при русском дворе. Здесь им написано и поставлено четыре оперы, в том числе исполняющаяся до сих пор «Карл Великий», кантаты, множество сонат – они часто звучат и ныне; он также был педагогом и организатором придворных концертов.

Голландские изразцы

*Предметы изготовленные фирмой
Карла Фаберже в Петербурге*

альностей. Играли роль прежде всего то, какие ремёсла или специальности были традиционно развиты у нации или народности, осевшей в Петербурге.

В момент рождения Санкт-Петербурга, на той территории, где он расположился, развитых местных ремесел было мало. Да откуда им было взяться в финских деревнях и шведских богатых усадьбах? От чего же зависело то, какие ремёсла здесь развивались? Прежде всего – от наличия сырья для него, например, глины, бересты, особых пород деревьев. Но также от традиций, зародившихся в древности. Такой была, например, традиция плетения кружев в Вологде, росписи глиняных игрушек в деревне Дымково под Брянском, лаковой миниатюры в Федоскине под Москвой и Палеха под Ивановом.

Упоминания о первых ремесленниках в Петербурге очень скучны. Есть мимолётное известие, например, о некой артели чехов или немцев – жестяных дел мастерах, работавших в Петербурге в 1710-х годах. Более точные сведения – о финнах-сапожниках, «работавших» обувь уже при Петре. Эти мастера пришли из ближних финских деревень. Ими славилась позже петербург-

ская Выборгская сторона. При современных раскопках на территории древней крепости Ниеншанц (нынешний район Охты) было найдено большое количество кустарно изготовленных кирпичей – они назывались «плинфа». Из плинфы возводились шведские особняки и дачи. Глины для них было в изобилии вдоль берегов Невы – от Охты до Рыбацкого посёлка (нынешнее Рыбацкое). Очевидно, умение шведских мастеров переняли и наши мастера, изготавлившие кирпич «саман» (сырец) и плинфу для петербургских построек. Невские берега долгие десятилетия снабжают город высококачественной глиной. Не случайно именно недалеко от Охты был никогда поставлен «порселиновый» завод – нынешний Ломоносовский императорский фарфоровый завод. В этом месте учёным Д.И. Виноградовым в 1747 году была найдена подходящая для производства фарфора глина.

Интересная картина сложилась в ювелирном деле. В начале XVIII века в Петербург были привезены пленённые после взятия Нарвы и Дерпта ювелирных дел мастера. Были в Петербурге и русские мастера, их выписал из Москвы Пётр I. Но шведские юве-

80 лет успел отпраздновать в 2007 году Мстислав Леонтьевич РОСТРОПОВИЧ (1927–2007), вскоре скончавшийся от тяжёлой болезни,

В 25 лет он был признан крупнейшим виолончелистом мира, ему, еще молодому человеку, посвящали свои произведения С.С. Прокофьев и

P

Д.Д. Шостакович. Много лет Ростропович отдал также дирижёрскому искусству и достиг здесь небывалых высот. Он был прекрасный пианист и выступал в ансамбле со своей женой – певицей Галиной Вишневской.

Незадолго до смерти он вместе с Галиной Вишневской выкупил и подарил государству квартиру в Петербурге, в которой долгое время жил Д.Д. Шостакович. Теперь в квартире открыт музей.

С

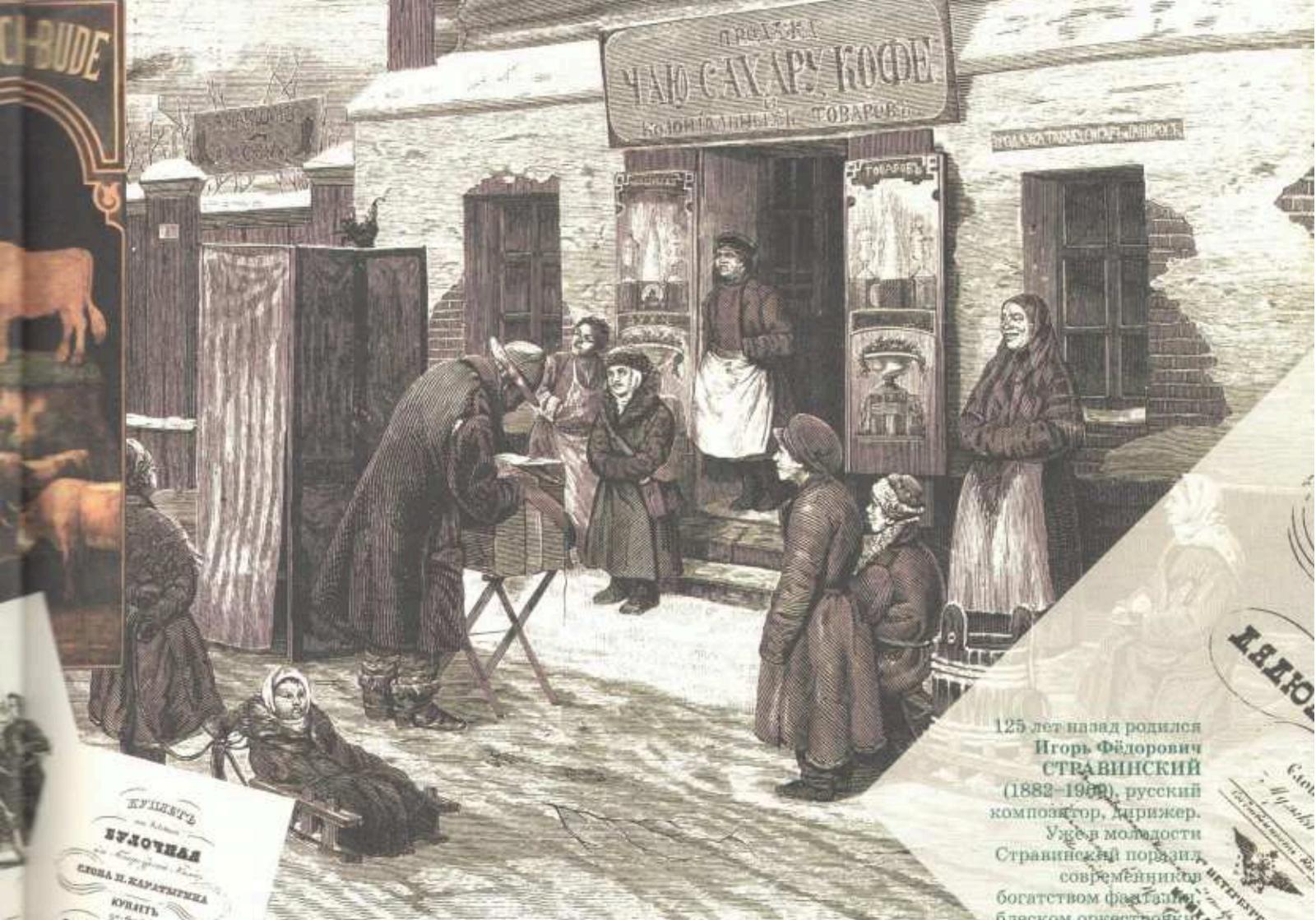
100 лет назад родился Василий Павлович СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ (1907–1979), советский композитор-песенник, автор таких известных в своё время песен, как "Вечер на рейде", "Соловьи", "Подмосковные вечера"... С Соловьёвым-Седым в массовую песню пришли настоящая задушевность и лирика.

лиры принесли свою традицию, технику. Шведов оказалось столь много, что Пётр в 1714 году повелел организовать «иностранный цех» — это было пока сообщество иностранных мастеров разных специальностей. «Русский цех» был создан уже позже. В иностранный цех вошли не только шведы, но и приезжавшие в Петербург немцы, швейцарцы, французы, однако шведские ювелирные мастера преобладали и славились более других. Имена шведских серебряных и золотых дел мастеров — Г. Хильдебрандта, В. Дункеля, И. Ясперса и особенно уникального мастера, барона К.-Я. Кеппинга — были известны всему царскому двору и всем петербургским вельможам. Шведы-ювелиры селились вдоль Невской перспективы (Невского проспекта) — на Большой Морской, на Миллионной, которая, возможно, благодаря ювелирам и бо-

гатым вельможам, селившимся здесь, и получила такое название в 1740-х годах.

Иностранцы привозили в новую столицу те ремёсла, которыми в России практически никто тогда не владел. Пётру приходилось выписывать иностранных мастеров, например, по корабельному делу, часовщиков. Выписал он и шведских, а также голландских мастеров по изразцовой эмали, хотя в России были свои давние традиции в этом виде ремёсел.

Конкуренция и «соревнование» иностранных мастеров были серьёзные, порой русские мастера вытесняли иностранных. Но дело было не в умении мастеров, а опять же в традициях. Когда голландские мастера начали делать «поливу» на изразцах (в основном в сине-белых тонах), Пётру не слишком понравилось их искусство. Рядом работали русские

Гравюра из энциклопедии XIX века «Живописная Россия»

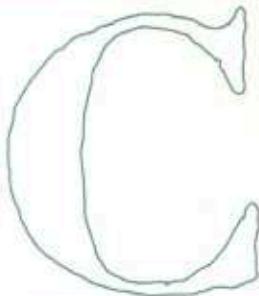
мастера, выписанные им из Москвы. Они делали цветные изразцы, и полива их была более прочной.

Традиция русской строительной керамики была давняя, изразцами Москве с XVII века покрывали целые дома. Пётр выгнал тогда голландцев, оставил русских мастеров. А вот в некоторых других ремёслах мы с иностранцами долго не могли сравняться. Например, по ювелирной части – золотых дел мастера были сначала, как говорилось, шведы, а потом до самого начала XX века – в основном немцы или швейцарцы. То же по часовой части. Или по аптечной, в которой в основном тоже преобладали немцы, причем очень долго, до конца XIX века.

Журнал «Автобус» уже писал как-то о немцах-булочниках, по утрам открывавших свой васи-

садас (нижнюю форточку окна, через которую подавались покупателям булки). Такого немца-булочника описал Пушкин в «Евгении Онегине». Был в «Автобусе» упомянут и водевиль П.А. Каратыгина «Карлуша, или Петербургский немец» про булочника-немца и его семью, написанный в начале XIX века. Немец-булочник воспринимался как обычное, вполне естественное петербургское «явление». Н.В. Гоголь описывает в повести «Невский проспект» петербургских немцев-мастеровых тоже как явление вполне обычное. Помните? – когда герой повести поручик Пирогов заходит в один из петербургских домов, то... «Перед ним сидел Шиллер, – не тот Шиллер, что написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны», но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гоф-

125 лет назад родился Игорь Фёдорович СТРАВИНСКИЙ (1882–1971), русский композитор, дирижер. Уже в молодости Стравинский поразил современников богатством фантазии, блеском оркестровки, колористической изобретательностью. Стравинский писал в самых разных стилях –

от классического до додекафонного. Он писал вокальную музыку, симфонии, концерты, оратории, инструментальные пьесы. Но самыми популярными его вещами остаются егоバレты – «Петрушка», «Поцелуй феи», «Весна священная». С 1914 года Стравинский жил за границей и лишь в 1962-м, в 80-летнем возрасте, посетил, наконец, СССР и выступил здесь как дирижёр.

Табачная лавка на
литографии 1820-х гг.

240 лет назад умер
немецкий композитор и
органист

Т

Георг Филипп ТЕЛЕМАН (1681–1767). В своё время он был очень популярен – и вполне справедливо. Телеман очень интересный и серьёзный композитор, не случайно его сюиты, концерты, канканы и оратории звучат довольно часто и сегодня. И. С. Бах внимательно изучал произведения Телемана, и когда тот приезжал в Лейпциг, не упускал случая послушать игру Телемана на органе в одной из церквей.

ман, – не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы»... Впрочем, жестяных дел мастера были и русские, но только само ремесло было завезено было в Петербург ещё при Петре именно немецкими и чешскими мастеровыми, о которых я упомянула в начале рассказа. Немало немцев-кревельщиков, жестянщиков работало в первой половине XVIII века при возведении зданий Двенадцати коллегий, Академии наук, Адмиралтейства.

Столяров и плотников, резчиков по дереву на Руси всегда хватало и своих, а вот искусственных золотчиков, модельщиков, бронзовщиков не было. Но Пётр приглашал в Петербург и иностранцев-резчиков, причём знаменных, таких как немец Г.К. Оснер или француз Н. Пино. Почему? Эти резчики несли новую традицию, они работали не в русском стиле деревенской, церковной, теремной (от слова «терем») резьбы, как наши мастера, но в европейском барочном стиле и стиле рококо, в том стиле, который соответствовал архитектуре Петербурга, воспринявшей благодаря Петру европейский стиль, в том стиле, который царствовал в Европе.

А.С. Пушкин упоминает в «Евгении Онегине» охтинку, спешащую в город с кринкой молока на продажу. А охтинками, торгующими молоком, были тогда женщины-финки, перебравшие-

ся в Петербург из близких финских деревень.

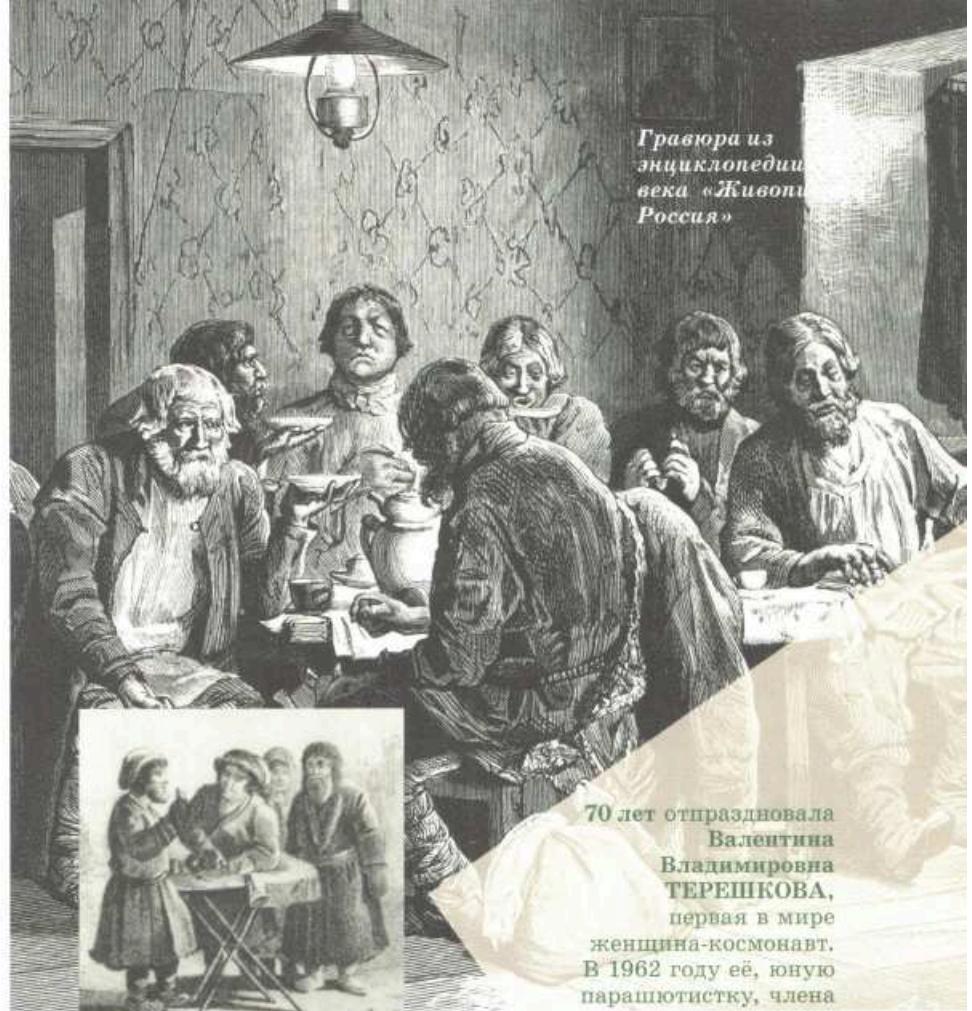
Были и такие профессии, которые словно были «взяты на откуп» определёнными национальностями. Так, татары умели замечательно обращаться с животными. Обслуживающий персонал Петербургского зоопарка, например, много десятилетий состоял в основном из татар, тут были даже свои династии. На знаменитом в XIX веке петербургском Конном рынке самые умелые торговцы были из татар.

По части торговли среди иностранцев первенствовали голландцы. Их лавки располагались в самых «престижных», как сказали бы сейчас, местах города, прежде всего в Большом Гостиным дворе. Торговали голландцы в основном «мануфактурой и галантереей». Первый голландский магазин – мануфактурная лавка фирмы «Крюйс, Энгеберс и К°» – открылся в Гостином дворе в 1780 году. Голландские лавки были одни из самых богатых, сюда ходили за товарами члены царского двора, важные вельможи. Известно, например, о князе Г.А. Потёмкине, покупавшем в лавках разные безделушки. Льяные простыни для великого князя Николая Павловича (будущего Николая I) изволила приобретать графиня Ливен. «Делались покупки и для великой княгини Екатерины Павловны», – сообщает историк города И.А. Богданов. Немалую часть товаров в голландских магазинах составляли так называемые «колониальные» товары, завозимые в Голландскую республику из её колоний. Это были разные пряности, душистые травы, цветное дерево редких пород (розовое, чёрное, красное) и изделия из него, различные смолы и ароматные курения. И, конечно, табак и курительные трубки. В Гостином дворе был свой голландский «табашний» ряд. Голландские трубочные табаки и до сих пор держат первенство на европейском рынке – традиция, как видим, идёт с колониальных времён.

Иностранцы, кстати говоря, завезли нам и систему организации ремесленного труда. В 1722 году Пётр решил разделить ремесленников по их специальностям. Его указом было «повелено быть цехам, дабы всякое мастерство происходило доброю работою и не было б плутовства». Пётр видел такие цехи в Голландии, Англии, Австрии во время своего путешествия по Европе (инкогнито) в составе Великого посольства в 1697-98 годах. Организовывались такие цехи в Петербурге по образцу немецких и голландских, и в основном это были иностранные цехи. Во главе цеха стоял альдерман – староста. Уже в 1722 году в Петербурге было организовано 44 цеха, из них иностранных было больше половины.

Следовало бы ещё сказать о том, как развивались ремёсла и как ремесло превращалось из труда умельца-одиночки в производство. А это был неизбежный процесс. Каждое изделие ремесленника является «штучным» товаром, своего рода произведением искусства, будь то гребешок из липы или расписная глиняная игрушка. Много ли мог изготовить таких «штучных» изделий мастер, если он кормился своим трудом? Вопрос о том, чтобы поставить труд ремесленника «на поток», стоял давно. Организованные Петром цехи, которые объединили мастеров, сделали возможным наладить относительно массовое производство изделий по образцам, несколькими мастерами сразу. Такое производство стало называться «промышлен», поскольку мастера вместе промышляли (зарабатывали) своим трудом. Такие промыслы были и в Петербурге, и за пределами Петербурга (например, знаменитый керамический промысел в городе Гжель под Москвой). Уже тогда были известны в Петербурге промыслы галантейные, столярные (где обычно делали мебель), глиняный (игрушечный и посудный) и некоторые другие. Так что «ремёсла» и «промышлен» – явления разные. Но и на промысле мастерами создава-

Закусочная на литографии 1820-х гг.

лись уникальные вещи и вещицы – стоит вспомнить хоть ту же гжельскую посуду и керамическую скульптуру, ставшую очень популярной в конце XVIII века. Мастерство ремесленников на промысле совершенствовалось, а традиции ремёсел бережно сохранялись. А позже из промыслов уже стали создаваться производства – фабрики. Первые такие фабрики на основе промысла появились в конце XVIII века.

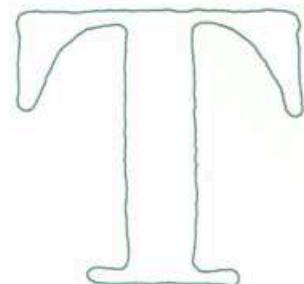
Гравюра из энциклопедии века «Живопись России»

70 лет отпраздновала

Валентина
Владимировна
ТЕРЕШКОВА,

первая в мире женщина-космонавт.
В 1962 году её, юную парашютистку, члена ярославского аэроклуба, зачислили в отряд космонавтов. Свой полёт на корабле «Восток-6» она совершила в июне

1963 года. Полёт продолжался три дня, и весь мир знал тогда позывные «Я – Чайка».

После полёта Терешкова несла множество общественных нагрузок. Сейчас она генерал-майор авиации, кандидат технических наук, награждена орденами и почетными званиями СССР и многих других стран, почётный гражданин 20 городов мира.

Её именем названы кратер на Луне и малая планета. Терешкова имеет почетный титул «Величайшая женщина XX столетия».

125 лет назад родился писатель и журналист, учёный-филолог и любимый сказочник многих поколений ребят Корней Иванович ЧУКОВСКИЙ (1882–1969), “дядя Корней”, автор “Мухи-Цокотухи”, “Айболита”, “Мойдодыра” и ещё многих чудесных сказок.

Уже несколько лет журнал АВТОБУС дружит с учениками 640-й школы. У нас было несколько встреч с ними, и разговор шёл на самые разные темы. В школе выходит газета «Ритм». В ней со всей серьёзностью поднимаются и обсуждаются вопросы школьной жизни. Мы даже публиковали однажды в журнале фрагмент интервью из этой газеты. Мы снова обращаемся к творчеству учеников 640-й школы. Думается, описанные в рассказах юных авторов ситуации могли произойти и в вашей школе.

Один день из жизни отшучившегося.

Утро. Звенит будильник. Поднимаю голову. И опять засыпаю...

Еле-еле открываю глаза. Без пяти восемь!!! А еще надо собраться в школу, повторить историю, теорему по геометрии, отдать диск и дать списать. Сборы проходят в бешеном темпе. Пару раз спотыкаюсь о котенка и о портфель. Ищу пиджак и мобильник и, с бутербродом в зубах, на ходу натягиваю куртку, вылетаю из дома.

Добегаю до дверей школы. Сменка!!! Слава Богу, у дверей нет директора, и я проскальзываю в раздевалку. Раздевалка – это не только место, где снимают и надевают куртки и обувь. Здесь начинается наш школьный день, здесь же он и заканчивается.

Подлетают одноклассники:

- Дай алгебру! – Возьми.
- Физику сделала? Давай сюда!
- Биология есть? – Уже отдала.

В раздевалке кипит напряженная работа по экстренному выполнению домашнего задания. Здесь можно добыть любую домашку любого качества. А я все делаю дома, мне надо поддерживать свой статус.

Бегу к кабинету химии. Добегаю до класса. Блин! – сейчас же геометрия! Несусь через всю школу, навстречу некстати попадающейся подруге: «Учебник химии есть? Я свой дома забыла...» Ага, знаем мы таких! Не забыла, а не взяла. Потому что ходит с сумочкой, в которую только косметичка и влезает! Сую ей книгу и вбегаю в класс за 20 секунд до звонка. Можно перевести дух. Как бы не так! Самостоялка! Синусы, косинусы, векторы – только бы не перепутать!

Перемена. Кто же у меня брал тетрадь по физике?

Снова урок. После него надо найти свой учебник химии, тетрадь по биологии, с которой у ме-

ня кто-то что-то списывает. И кому же я всё-таки дала списать физику?

Собираю по всей школе свои тетради, не нахожу учебник и опять чуть не опаздываю на урок. В классе я понимаю, что очень хочу спать. Похоже, меня подняли, а разбудить забыли. И, подперев голову рукой, дремлю под монотонный доклад о новых возможностях использования турбулентных течений в кулинарии.

Третья перемена. Все понимают, о чём я? Бегом по лестнице в столовую, пытаюсь прописнуться, но впереди всегда крупные ребята, и ведь никто не пропустит!! Ну, погодите! Я вам дам ещё раз списать! Вы у меня попросите шпаргалку! Нахожу щёлку, покупаю свой чай с булочкой. Сидим, обсуждаем школьные новости. Те, кто не успел утром, списывают домашку. Я наконец-то забрала свой учебник. Звонок!!! Несёмся к классу. Опоздали... Приходится оправдываться. Как же это неприятно и унизительно...

Мне иногда кажется, что в нашей школе звонки на уроки вечно спешат, а на перемены – отстают.

Ещё три урока! Проверочная, ответ у доски и, на посошок, контрольная. И везде надо оказаться на высоте и успеть подсказать другим.

Бреду домой, сажусь за домашку. Но как же её много! А ведь ещё надо узнать, как там няня Вика с великолепным Петей, продвигается ли дело к свадьбе. А то завтра не смогу поддержать разговор на перемене.

Вечер. На часах 23.20 – на конец, добираюсь до подушки...

Господи, когда же каникулы?

... Завтра надо успеть... спросить... передать...

... Звенит будильник...

ЛЕНА АЛЕКСЕЕВА,
9-й класс

100 лет назад родился
Карл Ильич ЭЛИАСБЕРГ
(1907–1978),
дирижёр оркестра
Радиокомитета.
Имя Элиасберга ныне
стало символическим.
Всю блокаду Карл Ильич
прорвал в

осаждённом городе,
постоянно выступая с
передевшим оркестром

Радиокомитета,
собранным из
оставшихся в городе
музыкантов, по

ленинградскому радио.

9 августа 1942 года
в зале Филармонии

этот оркестр исполнил
Седьмую симфонию
Д.Д. Шостаковича.

После войны блокадные
оркестранты собирались
ещё дважды,
чтобы исполнить эту
симфонию.

аритмия

ПАВЕЛ ХАЛАТОВ,
9-д, газета «Ритм»

Пальцы бездумно стучат по клавиатуре, веки тяжелеют, голова падает... Нет, так нельзя. Пытаюсь осмыслить то, что напечатал. Не получается. М-да. Какое же каторжное и неблагодарное журналистское дело! Труднее и неблагодарнее разве что работа Сизифа в аду.

А ещё этот главный редактор! Только и слышишь от него: «Пасть порву, если завтра статью не сдашь!» А в газету поставил мою самую плохую фотографию! Хотя его тоже можно понять. Бедный, носится со своей газетой по типографиям, конкурсам, как Яга с торбой. Волосы растрепаны, пиджак застегнут мимо пуговиц, лихорадка в красных глазах.

Я в Бога не верю. Не верил. Но трудовые будни журналиста сделают верующего из кого угодно. Остаётся после уроков, делаешь газету. Господи, дай мне Сил! Едва успевая сделать уроки, как надо делать газету. Господи, дай мне Терпения!! Ночью не спишь, делаешь газету. Господи, дай мне Нервов!!! Рано утром идёшь в школу, сдаёшь газету. Господи, когда же это закончится?! Всё, отстрелялись! Новый выпуск висит на стене.

Но главное испытание ещё впереди. И это вы, дорогие наши читатели! Любуетесь, как народ читает и вдруг слышишь: «Тоже мне газета! Бред сивой кошки! Не могли лучше сделать?» Слушаешь такое и думаешь: «В нашей школе 850 учеников, из них 845 человек умеют делать газету, и только 5 не умеют, но именно они её и выпускают! Вот такой парадокс!» Сами попробуйте, соберите материал, отредактируйте, оформите и напечатайте. А мы будем обсуждать, осуждать, осмеивать. Критики всегда найдутся! Вы всё читаете и критикуете, критикуете и читаете, читаете и критикуете! Надоело, надоело, НАДОЕЛО! ...уф, как-то полегчало...

Улыбка – на лицо, включаем обаяние...

Итак, дорогие читатели, начался новый сезон нашей школьной газеты. Впереди у нас большие перспективы: новые конкурсы, новые темы, выпуски, идеи – в общем, всё у нас впереди!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АВТОБУС

№3 (№52) 2007

Учредитель и издатель

Культурный и Издательский Центр

ЭКЛЕКТИКА

191186, Санкт-Петербург,

Невский пр., 44, бизнес-центр, офис 4

Главный редактор

Игорь Воеводский

Над журналом работали:

Юрий Кружнов

Аркадий Векслер

Обложка

Юрий Чигирёв

Оформление

Елена Эргардт, Николай Баранов

Корректор

Анна Комлева

Словарь Юрий Кружнов

Иллюстрации

19-27, 34-36 стр. Елена Эргардт

Отдел рекламы и

распространения

Халида Желнова

Журнал для детей

среднего школьного возраста
от 11 до 14 лет включительно.

Выходит один раз в два месяца.

Адрес редакции:

191186, Санкт-Петербург,
Невский пр., 44, бизнес-центр,
офис 4

Телефоны:

710-59-42, 710-59-54

e-mail: avtobus@eclectica.spb.ru

Зарегистрировано

Северо-Западным

Региональным управлением

Комитета Российской

Федерации по Печати

(г. Санкт-Петербург)

Рег. № П 1565 от 4 декабря
1998 года

Подписано к печати 10.06.2007
Тираж 3 000 экз.

Отпечатано в типографии
ВЗЛЁТ

Заказ № 5987

С.-Петербург, Воздушная ул., 11,
корп. 2, лит. А.

ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Подписной индекс 83042

Приобрести журналы
в С.-Петербурге можно
в киосках

«Союза издателей и

распространителей»,

ООО «Пресса», «Роспечать»

и «Метропресс», «Нева-пресс»

в киоске Центра «ЭКЛЕКТИКА»

в кассовом зале станции метро

Невский проспект

ежедневно с 8.00 до 20.00

Предыдущие номера можно
приобрести в редакции

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

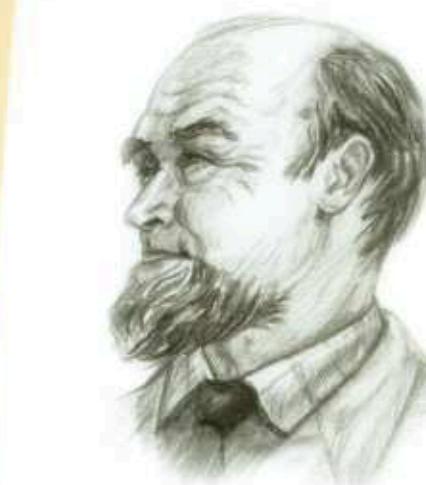
*Сразу два наших коллеги
стали совсем СОВЕРШЕННОлетними.
Им исполнилось по 70 лет!*

Первым отпраздновал юбилей редактор и член редколлегии нашего журнала, Аркадий Файвишевич Векслер. Аркадий Файвишевич работает в журнале с самого первого номера, определяя его направление, тематику, авторов статей. Его энергии может позавидовать любой юноша.

Аркадий Файвишевич – краевед, журналист, педагог, дипломант Анциферовской премии, член городской Топонимической комиссии, автор нескольких книг и бесчисленных статей. Много лет вёл он «Историю Петербурга» в 636 школе, преподавал в Аничковом дворце, и почти всюду мы встречаем его учеников, которые с неизменной любовью о нём отзываются и просят передать привет.

Аркадий Файвишевич – самый осведомлённый и самый дотошный историк Рыбацкого. В журнале «Рыбацкая слобода», созданном при его участии, Аркадий Файвишевич печатает «Историю Рыбацкого» – на редкость увлекательное чтение. Как и недавно вышедшая его книга «Лермонтовский проспект». Как и другие книги и сборники, им составленные, как его статьи и публикации.

Ещё один СОВЕРШЕННОлетний – Борис Сергеевич Жаров. Профессор Скандинавской кафедры СПбГУ, Борис Сергеевич – учитель многих известных сегодня скандинавистов. Но он не только учит студентов и пишет статьи для журнала «АВТОБУС».

Борис Сергеевич переводит со шведского и датского языков книги для детей и взрослых, участвует во множестве международных научных проектов. Он причастен и к выставкам в Эрмитаже, и к писательским семинарам, к историческим и архитектурным проектам.

Ко всему этому Борис Сергеевич – обаятельный человек, живо откликающийся на просьбу о помощи, оказывающий поддержку многим культурным начинаниям.

**ЖЕЛАЕМ ЮБИЛЯРАМ ЗДОРОВЬЯ, БОДРОСТИ,
ЭНЕРГИИ И НОВЫХ ИНТЕРЕСНЫХ ДЕЛ!**

